

**ЖИЗНЬ О ПИСАНИИ
БЛАЖЕННОГО СТАРЦА
ИВАНЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ВАСИЛЬЕВА,
почивающего в городе Липецке**

**ЗАДОНСКИЙ
РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКИЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ**

2006

**По благословению
преосвященнейшего Никона,
епископа Липецкого и Блещкого**

У святой могилки старца Иоанна

Блаженный
старец Иоанн,
Услышь наши моления,
А мы в любое время дня
Придем на поклоненье.
Пусть крест твой
принесет всем нам
Благое исцеленье,
Коль даст на то Господь
свое соизволение.

Спаси, помилуй, помоги,
Молись за нас, убогих.
Взываем мы к тебе,
среди бед,
несчастийи многих.
И мы помолимся тебе,
Прославим перед Богом...
Чтоб беды,
зло и тесноту
Оставить за порогом...

© Çàäíñêéé Ðí æääñòâî-Áîâî ð ïäèöèéé
ìóæñêîé ïîäñòòðü. 2006 ä.

© Òãñò: Ìðãã Ē. À. 2006 ã

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

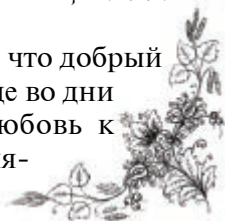

Липецке, на так называемом «кладбище Трубного завода» похоронен человек, для липчан, по светскому счету, совсем чужой — родился на Псковской земле; родственников, не то что близких, а и дальних здесь не имел. И все же не забыта скромная его могила. Ибо куда прочнее уз родства по крови узы, сродняющие благодатию Духа Святого, когда едиными, вне времени и расстояний, становятся сердца, *озаренные светом, просвещающим нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа* (2 Кор. 4, 6).

А потому и считают своим опочившего еще в 1966 году Ивана Васильевича Васильева не только те, кто знал блаженного старца при жизни, а и те, кто родился и вырос уже после того как покинул он мир сей. И идут они со своими бедами, болями и скорбями к месту нынешнего земного пристанища «дедушки Иван Василича», надеясь обрести здесь по молитвам его помощь и утешение, на которые при жизни был так щедр старец Иоанн.

Утешитель скорбящих и наставник ищущих пути ко спасению, был он *тих среди нас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими* (1 Фес. 2, 7).

Приходящие к могилке блаженного верят, что добрый и благочестивый этот молитвенник, чье сердце во дни жизни земной наполняла неистощимая любовь к ближним, и ныне не забыт у Господа. Укрепля-

ют же их в вере этой с каждым днем множась подтверждения того, что не тщетны упования на молитвенную помощь старца Иоанна.

Пришло, видимо, время извлечь светильник сей из-под спуда и восставить на престол достойный, дабы впредь пребыл он рядом с теми уже прославленными святыми, кто своей жизнью являл пример служителя Божия, по словам апостола Павла: *«В великом терпении, в бедствиях, нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке...»* (2 Кор. 6, 4-7).

В земном житии Ивана Васильевича Васильева мы найдем все то, что звучит в словах апостольских. Хоть и был он мирянином, но в суровые годы заявленного коммунистическим государством безбожия и благочестивый мирянин становился служителем Божиим — ибо так бывало, что некому более было донести слово Истины до жаждущих хлеба Христова.

Откуда же можем мы ныне почерпнуть сведения о житии старца Иоанна? Преимуществен-

*Могила старца Иоанна
на кладбище Трубно́го завода
(до устройства здесь
в 2005 году часовенки)*

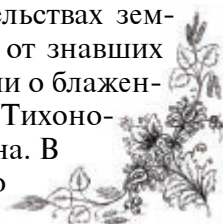
но — из воспоминаний его духовных чад. Сподобившиеся быть рядом с блаженным и ныне, спустя десятилетия, хранят о нем живую память. Некоторые же из них, ныне почившие о Господе, оставили записи своих бесед с Иваном Васильевичем.

Так, например, в течение многих лет сохраняет заветную тетрадку с записями, сделанными Галиной Васильевной Незведской, жительница города Липецка Лидия Константиновна Тихонова. По воле Господней вошла она в дом, где жил старец Иоанн, в третью годовщину христианской его кончины. И с тех пор не разлучалась более с теми, кто близок был блаженному при жизни, а после его кончины не свернул с заповеданного им пути последования Христу и верности Церкви Православной, невзирая на гонения и притеснения со стороны государства.

Упомянутые выше записки Г. В. Незведской, дошедшие до наших дней в нескольких копиях, представляют собой, пожалуй, первую попытку составить жизнеописание старца Иоанна Васильева.

Происходившая из семьи царского офицера, закончившая экономический факультет университета, Галина Васильевна (1919-1987 гг.) была человеком образованным и владела пером в достаточной мере, чтобы написать в 1972 году «Сказание о блаженном старце Иване Васильевиче». Рукопись «Сказания...», в основе которого — преимущественно устные рассказы келейницы Ивана Васильевича Параскевы Петровны Мешковой — расходилась с тех пор в списках почти 30 лет среди тех, кто молитвенно почитал память опочившего в Липецке блаженного.

И именно на записях, сделанных Г. В. Незведской и устных рассказах Л. К. Тихоновой, сохраняющей в памяти немало различных повествований об обстоятельствах земного жития старца Иоанна, слышанных ею от знавших его лично, основаны были первые публикации о блаженном в прессе. Принадлежат они перу внука Тихоновой — липецкого журналиста Е. А. Федерякина. В 1998 году Евгений Анатольевич, литературно

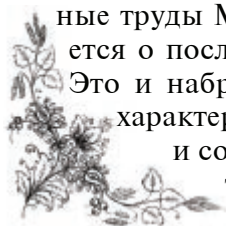
обработав услышанное от бабушки и взятое из записей Незвездской, рассказал читателям газеты «Липецкое обозрение» (№ 7) о блаженном старце Иване Васильевиче. За этой первой публикацией последовали еще несколько, использовавших в основном тот же материал.

В июне 2000 года на страницах липецкой газеты «Добрый вечер» увидело свет «Житие блаженного Иоанна Васильева, старца Липецкого (1886-1966), местночтимого подвижника благочестия Воронежско-Липецкой епархии», составленное настоятелем Древле-Успенской церкви г. Липецка игуменом Афанасием (Медведевым), скончавшимся в 2000 году. Текст «Жития...» впоследствии был издан отдельной брошюрой с тем же заголовком, преждевременно именующим Ивана Васильевича «местночтимым» подвижником благочестия. В настоящее время лишь испрашивается дозволение Святейшего Патриарха и Священного Синода на церковное почитание блаженного старца Иоанна.

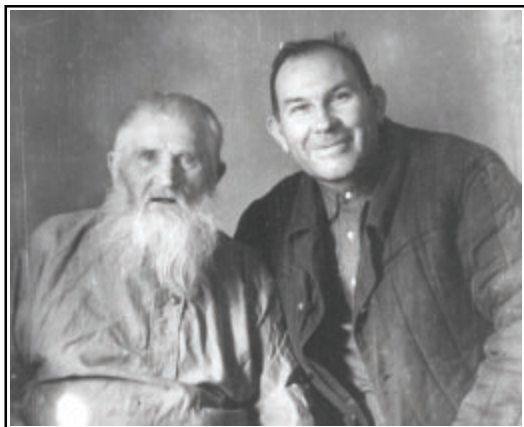
К сожалению, о. Афанасию не были в полной мере доступны источники, отражающие земной путь Ивана Васильевича. Текст «Жития...», как и публикации Е. А. Федерякина, основывается преимущественно на записках Г. В. Незвездской. А потому «Житие...» лишь весьма условно передает реальную биографию опочившего в Липецке старца Иоанна.

Впрочем, позднее, игуменом Афанасием был подготовлен к публикации, но так и не издан текст записок житийного характера о старце Иоанне, автором которых является скончавшийся в 1994 году Михаил Павлович Рыков — липчанин, в чьем доме Иван Васильевич Васильев провел последние 10 лет своей жизни.

Сохранились и другие, достаточно обширные рукописные труды Михаила Павловича, в которых рассказывается о последних годах земной жизни старца Иоанна. Это и наброски к «житию», и заметки дневникового характера, относящиеся к апрелю-августу 1965 года, и собрание из 440 высказываний блаженного по тем или иным аспектам пути к спасению.

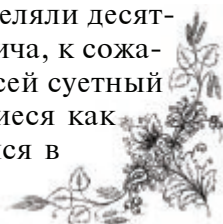
Упомянув о М. П. Рыкове, должно отметить, что, знакомясь с рукописным наследием, оставленным этим глубоко верующим, православным человеком, слушая рассказы бывших свидетелями их жизни с отцом Иоанном под одной крышей, поневоле вспоминаешь «служку Божией Матери и Серафимова» — блаженной памяти Н. А. Мотовилова, чьи записки столько сделали для более полного и глубокого раскрытия духовного облика великого Саровского молитвенника за землю Русскую.

*Иван Васильевич Васильев
и Михаил Павлович Рыков,
давший старцу приют
в последние 10 лет его земной жизни*

Как и Мотовилов, Рыков искренне уверовал в то, что свят старец, рядом с которым и под мудрым духовным руководством которого сподобил его Господь проводить часть дней жизни земной.

«Он был велик как в слове, так и в деле», — эти слова М. П. Рыкова о старце Иоанне воплощают ту внутреннюю уверенность, что читается за каждой строкой оставленных Михаилом Павловичем записок. А в конце их стоит еще одна знаменательная фраза: «Уверен, что будут открыты его мощи». Эту же уверенность разделяли десятки и сотни духовных детей Ивана Васильевича, к сожалению, ко дню сегодняшнему оставившие сей суетный мир. Но живы еще их дети, охотно делящиеся как слышанным от родителей, так и оставшимся в памяти от лет молодых...

Особенно много удалось почерпнуть из материалов, собранных и сохраненных в семьях Мешковых и Дюкановых, с которыми Иван Васильевич был близок с 1929 года и пребывал в общении по день кончины.

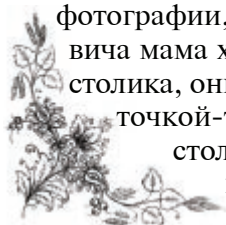
Липчанки Вера Александровна Бобылкина и Клавдия Александровна Мешкова (Митрофания в постриге) — дочери Александра Петровича Мешкова — бережно хранят семейный фотоархив, на снимках которого запечатлен и любимый «дедушка». Немало добавили к общей картине живые их рассказы.

Благодаря трудам Анны Федоровны Дюкановой из Орла стали доступны для изучения материалы уголовного дела № 11638, заведенного 26 апреля 1950 года «по обвинению Васильева Ивана Васильевича по ст. ст. 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР». В стенограммах допросов содержится целый ряд ранее неизвестных деталей мирской биографии старца Иоанна, записанных с его собственных слов.

Анна Федоровна является и автором кратких записок мемуарного характера, в основу которых положены как рассказы ее матери, урожденной Клавдии Николаевны Мешковой, так и личные воспоминания.

Именно в семье Дюкановых сохранились письма, написанные рукой Ивана Васильевича. Причем, произошло это образом чудесным. Когда в 1950 году старца Иоанна арестовали в Орле, то произвели обыски у всех, ему близких. Священное с Иваном Васильевичем, включая духовную литературу, нещадно и безвозвратно изымалось. Чуть ли не к первым с обыском пришли к Дюкановым. Так что перевернули дом особенно тщательно.

Вот как вспоминает об этом Анна Федоровна: «Перерыли все уголки, везде и все, многое забрали и не вернули: фотографии, св. книги и др. А эти письма Ивана Васильевича мама хранила в своей спальне в ящике небольшого столика, они были закатаны трубочкой и перевязаны ленточкой-тесемочкой. Работник органов открыл ящик стола, взял эту трубочку связанных писем в руки и спрашивает маму: «Что это?» Бог вразумил

маму, и она спокойно отвечает ему: «Это детские игрушки». И он протянул маме эту связку писем, не открывая их... Ночью продолжался обыск. Маму они просили, чтобы она носила в руках керосиновую лампу, которая освещала им дорогу. Полезли на чердак, все перерыли, а там у нас в небольшом сундучке хранилась часть книг. Мама спокойно поставила керосиновую лампу на этот сундучок, и они даже не подошли к нему и не посмотрели. Так сохранилась и часть книг. Мы поняли, что все это произошло по молитвам дорогого Ивана Васильевича».

...Вот так, по воле Божией и радением многих православных христиан, живших и живущих с уверенностью, что истинно свят перед Господом блаженный старец Иоанн, и дошли до наших дней и собраны были материалы, с которыми сейчас работает Комиссия по канонизации святых Липецкой и Елецкой епархии.

ГЛАВА I

НА ПУТИ К ЧАСТИ БЛАГОЙ

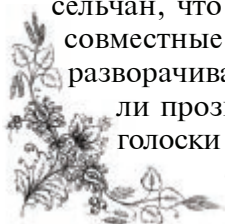

Шел год 1886 от Рождества Христова. На Псковщине, в деревеньке Малая Горушка Сидоровской волости, в семье крестьянина Василия Михайловича Васильева родился 29 августа младенец, нареченный во святом крещении Иоанном.

Так началась земная жизнь блаженного Иоанна, старца Липецкого...

Семья Васильевых жила по деревенским меркам зажиточно, вела крепкое хозяйство. Обрабатывали 16 десятин земли, держали 2 лошадей, 4 коров, отару из 10 овец, домашнюю птицу. Пример трудолюбия трем дочерям и трем сыновьям показывал глава семьи — мужик серьезный и работающий. Василий Михайлович и зимой без дела не сидел — подрабатывал сапожным ремеслом.

За то, наверное, и пользовался таким уважением односельчан, что доверяли они Васильеву ответственность за совместные финансовые дела в только-только начавшей разворачиваться крестьянской кооперации. Тогда и могли прозвать Василия Михайловича «Банкиром». Отголоски этих давних обстоятельств, видимо, нашли свое отражение в воспоминаниях о старце Иоанне

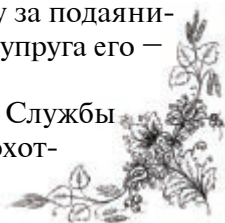
и не критично были повторены в современных уже публикациях, где сказано: «Отец — банкир», «родился в семье банкира». Это в псковской-то деревеньке!

Как свидетельствует М. П. Рыков, Иван Васильевич «любил говорить иронично, с оттенком юмора». Подтверждают это и воспоминания других, знавших блаженного. О себе он обычно отзывался в третьем лице, именуя «Ванькой», и не придавал серьезного значения ранним, «мирским», по его мнению, десятилетиям своей жизни; рассказывать о них не считал нужным, отшучиваясь на особо дотошные вопросы. «Ему эта часть жизни была совсем неинтересна», — такие воспоминания из бесед со старцем сохранила В. А. Бобылкина. Такие вот полушутливые, «с оттенком юмора» ответы, видимо, и стали основой предания о «семье банкира». Но, в любой шутке, как известно, присутствует и доля правды...

Предположительно, «банкирство» крестьянина Васильева могло быть связано с председательством в местном ссудно-сберегательном товариществе. Подобные финансово-кредитные организации на паевых началах тогда активно создавались крестьянами, кустарями, мелкими торговцами. И Псковская губерния как раз была регионом, где подобные финансово-кредитные организации получили большое распространение. Достаточно сказать, что именно во Пскове в 1875 и 1879 годах прошли съезды «деятелей ссудно-сберегательных товариществ».

Но, хоть и был Василий Михайлович хозяином крепким, скарденостью не отличался. Как и положено крестьянину православному, ел хлеб от трудов своих и жил по заповедям Христовым, а потому дальше середняков не поднялся. Работников не обижал, обедневшим вконец готов был прийти на помощь. Нищим, что забредали в Горушку за подаванием, в утешении не отказывал. Такова была и супруга его — Ефимия Васильевна.

Жили и трудились Васильевы с молитвой. Службы в храме Божием посещали неукоснительно, охотно жертвовали на благоустройство церквей.

Вот короткий рассказ, записанный М. П. Рыковым со слов самого старца Иоанна: *«После 1917 года пришли кулачить. Дом большой — «банкир» — богатства много. Зашли — одни голые стены. На том и кончилось. Все свое богатство роздали родители нищим, да по церквям».*

По Божиему произволению ни Василию Михайловичу, ни Ефимии Васильевне до лихих этих времен дожить не довелось. *«Отец и мать мои умерли в дореволюционное время»*, — рассказывал старец Иоанн. Но отпущенных по воле Господа лет в мире сем благочестивым супругам Васильевым хватило, чтобы в страхе Божиим, послушании и трудолюбию взрастить шестерых детей: трех дочерей — Екатерину, Марию, Елену, и трех сыновей — Николая, Ивана, Дмитрия. Причем, младших Ефимия Васильевна растила уже одна. Вскоре после появления на свет Божий Дмитрия, родившегося в 1890 году, Василий Михайлович Васильев почил о Господе. Так что сын его Иван, рожденный всего за несколько лет до кончины родителя, «детство провел с матерью».

И именно в годы детские Ваня Васильев из псковской деревеньки Горушки возревновал о «части благой». Да так, что служение Господу нашему Иисусу Христу стало от лет молодых смыслом жизни Ивана Васильева.

По утверждению авторов жизнеописаний старца и отдельных воспоминаний о нем, Божественная благодать почил на Иване, когда он был еще 7-летним ребенком. Уже тогда отличался он от других детей благоразумием и подетски искренней склонностью к благотворению, готовый всегда утешить скорбящего товарища и поделиться хотя бы тем малым, что сам имел. Мальчика привлекали разговоры о Боге, особенно интересны были ему жития святых.

По письмам старца видно, что, как и многие крестьяне того времени, получил он лишь самое начальное образование. Сам он себя именовал *«малограмотным»*. Но и этого ему было достаточно для того, чтобы искать и находить в жизнеописаниях угодников Божиих и сочинениях святых отцов ответы на вол-

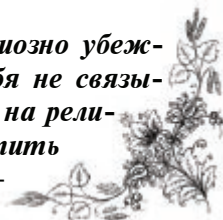
новавшие вопросы. От юности литература духовного содержания становится неразлучным спутником его жизни, его главным богатством и единственным багажом во многих скитаниях.

«Он носил с собой мешок с книгами, по воспоминаниям — целый пуд», — так запомнили на Орловщине появление в начале 1920-х годов Ивана Васильевича. А когда он был арестован в 1950 году, то по месту его жительства, на квартире в Липецке, чекисты только и нашли, что том третий «Добротолюбия», «Моя жизнь во Христе» преподобного Иоанна Кронштадского и еще 33 издания, коротко записанного как «разная церковно-монархическая литература в кол-ве 33 книг».

Ныне от нас сокрыты обстоятельства первых шагов отца Иоанна во след Христу — то, что происходило в пору непростого жизненного выбора, когда решался вопрос: избрать ли, подобно братьям и сестрам *преходящую заботу и суету о многом или часть благу, которая никогда не отнимется* (Лк. 10, 41-42).

Точно известно лишь, что к совершеннолетию благочестивый юноша сделал свой выбор. А потому на настойчивое желание матери женить выросшего сына он ответил категорическим отказом, искренне желая посвятить себя служению Богу, твердо памятуя завет Спасителя: *«Едино же есть на потребу»* (Лк. 10, 42). Не в силах разубедить настаивавшую на женитьбе мать, Иван вынужден был даже покинуть отчий дом, ибо запали в душу его слова: *«и всякий, кто оставит дома, или братьев. или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф. 19, 21). Лишь тогда родительница смирилась с жизненным выбором сына.

«Ввиду того, что я с детства был религиозно убежденным и по этим соображениям решил себя не связывать семьей, последовать, как выражаются на религиозном языке, «праведной жизни» и посвятить себя в монашескую жизнь», — так запишет сте-

нографист Орловского управления МГБ ответ, данный старцем Иоанном следователю, интересовавшемуся подробностями его биографии в ходе допроса, проходившего 8 мая 1950 года.

Но хоть и рано возжжен был в душе Ивана Васильева пламень беззаветной любви ко Христу, до 30 лет судил ему Господь оставаться в родном доме. Братья и сестры поженились и вышли замуж, разъехавшись по соседним деревням и селам, а заботы о семейном хозяйстве легли на плечи овдовевшей матери. Ее опорой и поддержкой оставался избравший безбрачие сын Иван, до времени вынужденный сочетать заботу о суетном и ревность о горнем.

И вот подошел год 1914. Грянула война. Началась мобилизация. Как ратник ополчения Иван Васильев также был призван в ряды действующей армии. Отличавшийся крепким телосложением и живым умом, направлен он был служить в разведку. Не раз довелось Васильеву участвовать в рейдах за линию фронта. Позднее старец Иоанн открывал близким по духу, что не столько сила оружия, сколько искренняя молитва выводила его из-под вражеского огня и помогала невредимым вернуться в расположение своих частей с важной информацией.

А в одну из таких вылазок Господь, учитель, послал разведчику Васильеву испытание.

Иван был серьезно ранен. Операция в полевом госпитале ноги спасла, но до полного исцеления было далеко. Пришлось опереться на костыли. Долечиваться Васильева отправили в тыл. По пути в эвакогоспиталь санитарный поезд сделал большую остановку в Новгороде. Иван, на костылях, отправился помолиться в один из храмов. Среди прочих икон был здесь список со знаменитой Чирской иконы Божией Матери, прославленной чудотворениями на Псковской земле. К ней и приложился со слезною молитвой об исцелении псковитянин Васильев. И свершилось чудо — из храма ушел солдат без костылей. Это событие, случившееся у иконы Божией Матери, именовавшейся на псковской земле также и «Знамение» (по Зна-

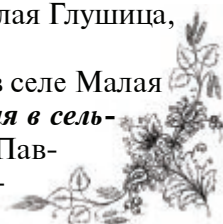

*Чирская (Псковская) икона
Божией Матери*

менской церкви, устроенной в память о перенесения святого образа во Псков), было воспринято Иваном Васильевичем именно как знамение того, что угоден Господу избранный им с юности путь беззаветного Ему служения и именно для следования путем сим исцелены раненные ноги, по неизреченной благодати Божией вдруг вновь обретшие способность свободно ступать по земле.

Меж тем страна оказалась ввергнута в революционную смуту. Самораспустилась армия, в которой солдат Васильев, не жалея живота своего, воевал за Веру, Царя и Отечество. Суетные политические дразги были чужды Ивану Васильевичу, внутренне давно отрекшемуся от мира сего ради высот горних. А потому, для начала, он, освобожденный историческими обстоятельствами от необходимости и далее быть верным данной воинской присяге, просто вернулся домой, в Горушки. Но пробыл на родине лишь несколько дней. Оголившийся фронт уже не препятствовал продвижению немецкой армии и вскоре Псковщина была оккупирована. Вчерашний солдат-разведчик не стал ждать прихода врага и отправился подальше от линии фронта — к другомуоднополчанину Андрею Алексеевичу Ласточкину, проживавшему в Самарской губернии. Здесь, в селе Малая Глушица, Васильев и провел несколько лет.

Как явствует из показаний на следствии, в селе Малая Глушица он **«проживал до лета 1921, работая в сельском хозяйстве Ласточкина»**. Но Михаилу Павловичу Рыкову старец Иоанн открыл, что, бу-

дучи на земле Самарской, он еще и пребывал в послушании у некоей подвизавшейся здесь старицы. Тогда и оформилось окончательно решение принять монашеский постриг в одном из древнейших оплотов православия.

* * *

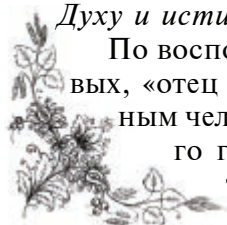
В 1921 году завершилось приуготовление Ивана Васильевича Васильева к окончательному вступлению на *путь узкий*. И с этого времени основные обстоятельства жизни его известны относительно подробно.

Правда, не всегда доступные сведения о тех или иных обстоятельствах, полученные из разных источников, совпадают...

Как рассказал на следствии в 1950-м году сам блаженный старец, из Глушицы направился он в колыбель российского монашества — Киев, чтобы пребыть у тамошних Печерских святынь. По воспоминаниям же семьи Дюкановых путь будущего подвижника лежал на Афон. Так или иначе, но Иван Васильевич, имея при себе единственный багаж — чуть ли ни пуд книг духовного содержания, задержался в Орле.

Здесь, в привокзальном храме во имя Иверской иконы Божией Матери, состоялась встреча его со священником Всеволодом Ковригиным, ставшая определяющим событием для всего дальнейшего пути старца Иоанна по стезе духовной. Отец Всеволод совершал в тот день литургию в храме, по окончании которой и состоялось их знакомство.

Отец Всеволод, высокой духовности служитель Божий, открытый и искренний, исполненный истинно христианской любви к ближним, произвел на Ивана Васильевича огромное впечатление. Ковригин же, будучи наделен по благодати Господней даром прозрения, увидел в приезжем искателе *не дольного, но горнего, сродника по Духу и истине*.

По воспоминаниям, передаваемым в семье Дюкановых, «отец Всеволод Ковригин был высокообразованным человеком, родом из Курска. До революции 17-го года закончил медицинский факультет Петербургского университета, был отличным

хирургом. Но медицинскую практику оставил и предпочел священническое служение. Был женат, матушка Тамара — орловчанка (в девичестве Щербакова). У них было 2 сына. Отец Всеволод служил священником Орловского женского Введенского монастыря, но его часто приглашали служить и по другим церквям. Отличался изумительным красноречием и говорил всегда такие проповеди, от которых люди рыдали. В обращении был прост и доступен. Бог наградил его даром прозорливости».

По уточненным данным, Всеволод Данилович Ковригин, действительно, в 1913-1918 годах обучался на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, где действовало и «естественное отделение» с кафедрой физиологии, готовившее медиков. Параллельно же будущий священник закончил курс историко-филологического факультета, где изучал древнееврейский, египетский и коптский языки, позволявшие знакомиться с подлинниками древнейших рукописей Священного Писания...

Вот как вспоминал об отце Всеволоде Иван Васильевич: *«Великий старец... Когда его прихожане подходили к кресту, он говорил мысли каждого человека, о чем тот только подумает...»*.

*Орловский священник
о. Всеволод Ковригин,
принявший
духовное руководство
Иваном Васильевичем
Фото 1921 года.*

Добавим, что некоторое время отец Всеволод Ковригин был духовным наставником архимандрита Иоанна (Крестьянкина), духовника Псково-Печерского монастыря. И сей почивший ныне молитвенник, будучи убелен сединами глубокой старости, с любовью хранил в сердце воспоминания о днях юности, когда довелось ему быть рядом с отцом Всеволодом.

И вот с таким столпом благочестия, по явному произволению Божиему, довелось встретиться Ивану Васильевичу. По воспоминаниям Дюкановых, отец Всеволод не благословил Ивана Васильевича на продолжение поездки, а рекомендовал остаться в Орле, возможно, провидя, что не за горами времена, когда именно этому пришельцу с пронзительными голубыми глазами и сердцем, полным искренней веры, придется *спасать и себя, и слушающих тебя* (1Тим. 4, 16), ибо не будет более пастырей рядом с пасомыми.

Иван Васильевич смиренно подчинился воле так впечатлившего его иерея. Но где-то надо было жить. И он, с молитвой на устах, направился за пределы города, рассчитывая обрести кров в одном из пригородных поселений.

Вот что поведал о первых днях пребывания на земле Орловской сам Иван Васильевич, давая показания на следствии: *«Первые два дня пребывания в городе Орле я находился на железнодорожном вокзале. Устраиваться на работу в советские предприятия и учреждения я не хотел, знакомства в городе я не имел и поэтому решил обосноваться в окружающих Орел деревнях. С этой целью я направился по железнодорожному полотну в сторону Курска. Не дойдя немного до деревни, я остановился и решил обождать до вечера, так как днем все заняты на сельхозработах. В это время мимо меня несколько раз проезжал за сеном крестьянин этой деревни, впоследствии оказавшийся Невровым Семеном. Он и пригласил меня к себе в деревню Куликовка и предложил мне остановиться у него на жительство. Проживая у Неврова, я стал развивать знакомства с жителями деревень Большой и Малой Куликовки, главным образом верующими, которые посещали мест-*

ную церковь, а также духовенством Орловского женского монастыря, в частности, со священниками Ковригиным Всеволодом Даниловичем и Святицким Павлом».

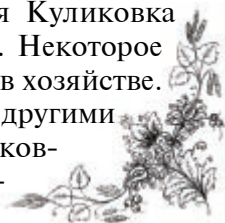
А. Ф. Дюканова в своих записках излагает те же события несколько по-иному: «Отец Всеволод не благословил Ивана Васильевича на поездку в Афон, а благословил остаться в г. Орле. Некоторое время по благословению о. Всеволода в келии м. Агриппины жил Иван Васильевич. Так все наши родные, приходя в монастырь и останавливаясь у м. Агриппины, познакомились с Иваном Васильевичем. Тетушки всегда

*Иван Васильевич
в начале 1920-х годов.*

вспоминали первую встречу с ним: он был одет в длинную солдатскую шинель, на голове — лохматая шапка, на ногах сапоги. В это же время было и знакомство наших и Ивана Васильевича с Прасковьей Петровной Мешковой. Мама [К. Н. Дюканова] рассказывала, что Прасковья жила в монастыре у матушки Макрины, которая была родом из Скородного и приходилась дальней родственницей.

Летом вечерами Иван Васильевич уходил на ночлег в копны сена на полях возле деревень Малой и Большой Куликовки недалеко от г. Орла (опять же по благословению о. Всеволода). И вот однажды возле копны сена за чтением книги его увидел житель деревни Большая Куликовка Ефим Пугачев, пригласил его к себе домой. Некоторое время Иван Васильевич даже работал у него в хозяйстве. Потом Иван Васильевич познакомился и с другими жителями деревень Малой и Большой Куликовки, стали собираться на беседы, молились, чи-

тали и пели акафисты. Иван Васильевич разъяснял Священное Писание. Чаше всех собирались у наших в Малой Куликовке».

Конечно, можно предположить, что рассказывая следователю о происходившем в 1921 году, Иван Васильевич что-то мог утаить, о чем-то сообщить, не открывая духовную подоплеку происходившего. Но это было бы справедливо, если бы в своих показаниях старец Иоанн хоть сколько-нибудь пытался опровергнуть или отклонить предъявлявшиеся госбезопасностью обвинения в противоправной, с точки зрения советского государства, проповеди слова Христова. Напротив, Иван Васильевич подробно, с деталями рассказывал о том, что было сделано им на ниве служения Господу, полный решимости пронести крест свой вослед Христу до конца, не боясь осуждения и кары властей светских, ибо верил, что *следующий путем сим до конца, спасется*. В частности, он подробнейшим образом излагает свое служение в Куликовке, начатое по благословению о. Всеволода Ковригина, когда последний был арестован и уже не мог лично окормлять своих чад духовных.

Так что в записках А. Ф. Дюкановой, являющихся в этой части лишь изложением по памяти слышанного ею от тети — Пелагеи Ивановны Дюкановой, тоже не бывшей прямым свидетелем приводимых в воспоминаниях событий, мы находим, с одной стороны, вполне приличное человеку православному стремление, чтобы все события, особенно в жизни идущего по пути духовному, совершались по благословению, а с другой — смешение реальных обстоятельств 1921-1925 годов, как это станет ясно из дальнейшего изложения событий...

ГЛАВА II

«ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БРАТ ИВАНУШКА»

оселившись с лета 1921 года в ближней к Орлу деревне Малая Куликовка, Иван Васильевич старался проводить как можно больше времени в общении с орловским духовенством в лице священников — отцов Всеволода Ковригина и Павла Святицкого, постоянно служившего в одной из церквей Введенского женского монастыря. Всего было в обители четыре церкви: Христорождественская (1800-1822 годов постройки, архитектор Д. В. Орехов), Тихвинская надвратная (1865 г.), Воскресенская (1885 г.) и Троицкая (1887 г.). Священников на все храмы, видимо, уже не хватало, а потому часто приглашали сюда служить отца Всеволода, который, предположительно в конце 1921 года, по благословению правящего архиерея — епископа Серафима (Остроумова) — переселился во Введенский монастырь на жительство и стал служить здесь постоянно.

Вот что сообщает, отвечая на вопросы следователя, Иван Васильевич: *«Священник Всеволод Ковригин приблизил меня к себе и влиял на мое развитие в религиозном духе, а потом предложил мне поселиться на жительство в его квартире (примерно в конце*

1921 или начале 1922 года). Впоследствии я стал помощником не только в личных, но и в религиозных делах его. Я не прекращал поддерживать связь со знакомыми мне лицами в деревне Куликовка. Первое время мы проживали на территории женского монастыря, а потом переехали на 3-ю Курскую улицу». Произошло это в 1923 году, когда Введенский монастырь был закрыт.

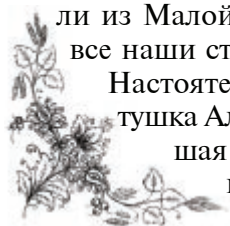
*Орловский Введенский
женский монастырь*

Известно, что уже в годы проживания в монастыре, Иван Васильевич, хоть формально и числился лишь келейником священника Ковригина, благословлен был отцом Всеволодом на духовное окормление притекавших во Введенскую обитель. Вскоре Васильева уже почитали за старца.

Из воспоминаний об Иване Васильевиче следует, что в Орловском Введенском женском монастыре жил он сначала при келии одной из инокинь обители — старицы Агриппины. От самой юности, с пятнадцатилетия, спасалась здесь Агриппина Максимовна Щекотихина, принявшая постриг с тем же именем. Была она родной сестрой бабушки ныне здравствующей А. Ф. Дюкановой — Анны Максимовны.

Согласно запискам А. Ф. Дюкановой, матушка Агриппина: «все время была при игумении, служила ей как послушница (стирала, убирала, ухаживала и т. д.). В келии матушки Агриппины всегда останавливались родные, когда приходили из Малой Куликовки на богомолье в монастырь. Так все наши стали духовными детьми отца Всеволода».

Настоятельницей обители, в сане игумении, была матушка Алексия (Тимашева-Беринг), также благоволившая к Ивану Васильевичу, о чем известно и из показаний самого старца Иоанна, данных на

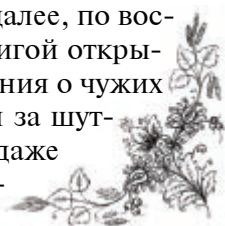

следствии в 1950-м году. А под «всеми нашими», видимо, подразумеваются Иван Борисович Дюканов и его дочери — Прасковья, Пелагея и Евдокия, упоминаемые в допросах Ивана Васильевича.

В это время состоялось знакомство Ивана Васильевича с семьями Мешковых и Шеховцовых (породнившимися впоследствии с Дюкановыми из Малой Куликовки), потомки которых оставили наиболее подробные воспоминания о блаженном старце Иоанне. И тогда же встретил он Параскеву (Прасковью) Мешкову, оставшуюся верной его спутницей до самой блаженной кончины.

Вот как говорится об этом в записках В. А. Бобылкиной. Шеховцовы и Мешковы, сообщает Вера Александровна, «жили в селе Трудки, Покровского района, Орловской области. Познакомились с Иваном Васильевичем в городе Орле, в женском монастыре. Они возили продукты на лошадях в монастырь, где служил о. Всеволод и с ним жил Иван Васильевич Васильев. Параскева Петровна Мешкова собралась поступать в Орловский женский монастырь и говорит своей сестре Александре Петровне: “Поехали со мной в Орел, какой там старец молодой, симпатичный, познакомишься с ним”. Приехали, остановились у матушки, где жил Иван Васильевич. Он сидел, читал святую книгу. Прасковья с матушкой вышли, а Александра смотрит и думает: “Какой же он старец?”. И тут он оставил книгу, повернулся к ней и сказал: “Александрюшка! Хватит молоть мякину, засыпь пшеничку!”. Она со стула и упала к нему в ноги: “Прости, Иван Васильевич!”».

Как видно из этого эпизода, переданного с неложной простотой, свойственной сведениям, почерпнутым из первоисточника, уже в те годы Иван Васильевич снискал благодатный дар читать в душах людских, которые и далее, по воспоминаниям знавших его, были для него книгой открытой. Но полученные по воле Божией откровения о чужих помыслах Иван Васильевич обычно скрывал за шуткой, добрым крестьянским юмором, порой даже уподобляясь безхитростностью своею юриди-

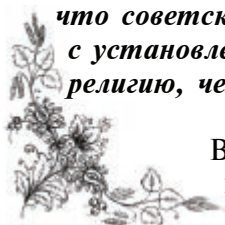
вым Христа ради, ибо имел постоянный помысл о том, что *«мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: „уловляет мудрых в лукавстве их“»* (1 Кор. 4, 19). Он заведомо попираал возможное уклонение к тщеславию, столь опасное для живущего жизнью духовной и обретающего на пути сем плоды благодати Божией, памятуя о наставлении, реченном апостолом Павлом: *«Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым»* (1 Кор. 4, 18).

Потому-то и приблизил его к себе в годину суровых испытаний, выпавших на долю Церкви Православной и верных ее чад, столь славный своей духовностью иерей, потому и именовал «милым Иванушкой», открываясь ему в долгих беседах о сокровенном. Привлекала в Иване Васильевиче отца Всеволода, по собственным его словам, «готовность от всего своего отказаться, хранить уничиженный и простой образ жизни и действовать с такой тихостью, точно нас среди людей и не существует». Но «тихость» подразумевалась здесь лишь внешняя, по отношению к славе мирской и брэнной. В том же, что касается отстаивания попиравшихся советской властью прав Церкви и верующих во Христа ни отец Всеволод, ни верный его келейник и сотаинник Иван Васильев о «тихости» даже и не помышляли.

Как сказано в сухих строках следственного протокола, зафиксировавшего очередной допрос арестованного Васильева: *«он [Ковригин] был не согласен с политикой и мероприятиями, проводимыми советской властью в отношении церкви и религии, он был «тихоновской» ориентации и следовал за патриархом Тихоном... Я тоже разделял убеждения священника Ковригина, был против отделения Церкви от государства, не согласен был с тем, что советская власть закрывает церкви и считал, что с установлением советской власти началось гонение на религию, чем я был очень недоволен»...*

* * *

В начале 1920-х годов состоялась встреча Ивана Васильевича Васильева с почитаемым ныне

в Орле блаженным Афанасием (Афанасием Андреевичем Сайко). Этот уроженец Волынской губернии в возрасте 33 лет был арестован на родине и этапирован в 1919 году в город Орел, где до 1921 года отбывал срок в «концлагере № 1».

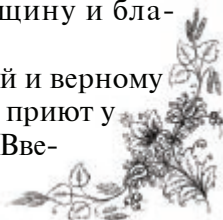
Выйдя на свободу, Афанасий Андреевич на родину жить не поехал, остался в Орле. «Не имея здесь ни родных, ни знакомых, он поселился на колокольне Богоявленского храма. Так началось его подвижничество — он стал блаженным, юродивым Христа ради, чтобы под видом безумия нести людям правду в злое время гонений и беззакония. Жил он в основном милостыней, ходил босиком», — сказано в «Житии Христа ради юродивого Афанасия Андреевича Сайко», подготовленном комиссией по канонизации Орловско-Ливенской епархии.

*Орловский блаженный
Афанасий Андреевич
Сайко, в начале пути
своего наставленный
Иваном Васильевичем*

Известно, что Иван Васильевич близко сошелся с блаженным и, видя в нем человека духовного, познакомил Афанасия Андреевича с отцом Всеволодом. Как далее говорится в житии блаженного: «Священник Орловского Введенского женского монастыря о. Всеволод Ковригин, узнав об Афанасии Андреевиче и **познакомившись с ним через своего келейника брата Иоанна**, нашел одинокую верующую женщину и благословил ее принять его в свой дом».

А вскоре и самому отцу Всеволоду с семьей и верному его келейнику «Иванушке» пришлось искать приют у добрых людей. Наступили последние дни для Введенского женского монастыря.

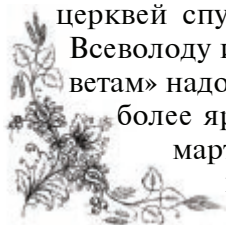
Еще в 1921 году постановлением президиума губисполкома в городе Орле закрыли Христорождественскую церковь женского монастыря, передав ее под клуб рабочего городка, а чуть позже — и Тихвинскую, надвратную церковь той же обители.

Предпринимались большевистской властью усилия по вытеснению монашествующих с территории обители и позже. Так, в 1922 году, под предлогом помощи голодающим Поволжья, как и по всей стране, ограблены были храмы земли Орловской. Проводилось «изъятие ценностей» и в еще действовавших храмах Введенского Орловского женского монастыря: во имя Воскресения Словущего и Пресвятой Троицы, а также в кладбищенской во имя Воскресения Христова церкви обители, прозванной в народе «Афанасьевской».

Насельницы обители и окормлявшее их духовенство вызвали открытый протест против ограбления церквей. И тогда органами ГПУ был организован «процесс орловских церковников» «по делу об изъятии церковных ценностей». Главными фигурами на показательном процессе, состоявшемся по весне 1923 года, были духовные руководители Ивана Васильевича — священники Введенской обители: отец Всеволод Ковригин и отец Павел Святицкий.

О ходе устроенного судилища в номере за 10 мая 1923 года рассказала большевистская газета «Орловская правда». Но, предав сам факт суда над «церковниками» широкой огласке, власти на этот раз ограничились довольно мягкими приговорами. В частности, Ковригину, признанному виновным, формально запретили проживание в Орловской губернии. Однако до 1925 года это решение исполнять на деле не торопились...

Судя по всему, протест против изъятия ценностей из церквей спустя целый год после самого события отцу Всеволоду и отцу Павлу припомнили не случайно. «Советам» надо было найти повод, чтобы избавиться от наиболее ярких противников «обновленчества». Ведь в марте 1923 года православное духовенство Орла и губернии (за исключением городов Ельца

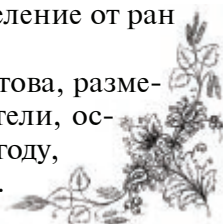

и Волхова, где были сильны сторонники патриарха Тихона) почти целиком присоединилось к «Живой церкви». При поддержке ГПУ и местных властей 12 марта было переизбрано Орловское епархиальное управление, во главе которого встал уклонившийся в обновленческий раскол епископ Александр (Монастырев), сменивший уехавшего 13 февраля в Москву архиепископа Леонида (Скобеева).

В статье «Русская Православная Церковь на Орловщине в годы репрессий», опубликованной в 3-м томе «Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине», так описывается ситуация в церковной жизни Орловской губернии 1923 года: «В результате этих действий в Орловской губернии Церковь раскололась на два течения — на «обновленцев» и «тихоновцев». Представители первого течения всеми силами стремились продемонстрировать новой власти свою лояльность... Совсем иначе вело себя второе течение. Будучи в меньшинстве, сторонники патриарха Тихона продолжали активную пропаганду против «обновленцев». Главную роль среди староцерковников играли архимандрит Пантелеймон, священники Оболенский, Ковригин, Дубакин, бывший военный прокурор Городетский и другие».

Опорой «тихоновского» направления стал, вполне естественно, и окормлявшийся священниками Ковригиным и Святицким Введенский женский монастырь. А потому в 1923 году последовало его закрытие. Заперты были рукою власти врата Воскресенского и Троицкого храмов. Промыслом Божиим во дни разорения насельникам удалось спасти главную святыню обители — чудотворный список иконы Божией Матери Балыкинской, с 1858 года весьма почитавшийся орловчанами. Не раз у этого славного изобильной благодатью образа замирал в сердечной молитве и Иван Васильевич Васильев, получивший в свое время исцеление от ран милостью Пресвятой Богородицы.

И лишь малая церковь Воскресения Христова, размещавшаяся на Афанасьевском кладбище обители, осталась действующей. Здесь, до расстрела в 1937 году, продолжал служение отец Павел Святицкий.

Епископ Орловский Серафим (Остроумов) с духовенством и монашествующими Орловского Введенского женского монастыря. В белой рясе — священник Всеволод Ковригин — духовный отец Ивана Васильевича Васильева. Фото начала 1920-х годов.

Прочие же, жившие до того в стенах Введенского монастыря, оттуда были исторгнуты и рассеяны. **«В 1923 году Орловский женский монастырь был закрыт. По этой причине Ковригину было предложено выехать с территории монастыря... Священника Всеволода Ковригина перевели на службу в так называемую военную церковь, а я продолжал ему помогать»**, — записано в следственных протоколах со слов Ивана Васильевича. Временно Ковригин с семьей и его келейник поселились в частном доме на 3-й Курской улице у одного из верующих, сохранявших верность Патриаршему Престолу и служителям, не отшатнувшимся от Патриарха Тихона, несмотря на жестокие гонения.

«Таким мероприятием я был недоволен», — коротко ответит далее Иван Васильевич на вопрос следователя:

«Как Вы лично отнеслись к вопросу закрытия Орловского женского монастыря?»

За этой лаконичной фразой — большое горе. Уже пережитое, но навсегда оставившее в сердце глубокую скорбь. Разрушен был по воле безбожной власти устоявшийся порядок жизни духовной, туманны были перспективы дальнейшего служения в окружении «обновленцев», поддерживаемых «советами»...

*

*

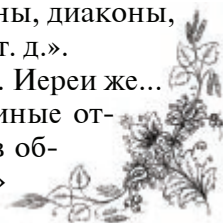
*

В 1923 — 1925 годах священник Всеволод Ковригин и его сотаинник и собеседник — Иван Васильев по-прежнему проживали в Орле, в упомянутом частном доме на 3-й Курской улице. Отец Всеволод, осужденный к выселению и находившийся под надзором органов государственной безопасности, тем не менее, не оставлял пути пастырского. Он совершал службы в приходской церкви, которая в народе именовалась «военной». Продолжал окормлять и инокинь разоренного Введенского монастыря, и жителей пригородных селений, все так же притекавших к нему за наставлениями в вере и житии, жаждавших слова его — слова мудрого и утешительного, идущего от сердца, просвещенного благодатью Духа Святого.

Но в сложившейся обстановке все сложнее было открыто нести крест вослед Христу пастырю, каждый шаг которого старались отслеживать чекисты. Возможно также, что, по прозорливости, дарованной ему от Господа, отец Всеволод провидел, сколь недолго ему еще оставаться рядом с чадами духовными. А потому и стал приготавливать своего келейника Ивана Васильева на новое служение...

Теперь известно, что с февраля 1923 года, согласно секретному указанию Ленина, органы ОГПУ должны были подвергнуть беспощадному преследованию всех «злейших врагов народа», в числе которых были «епископы, священники православной и католической церкви, раввины, диаконы, монахи, хормейстеры, церковные старосты и т. д.».

А потому вокруг затворялись двери храмов. Иереи же... Иные расточались властями по узилищам, иные отступали от пути Христова сами, уклоняясь в обновленческий раскол, *«страха ради иудейска»*

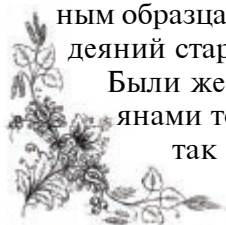
(Ин, 19, 38). Но сказано апостолом Павлом, что вера *«от слышания, а слышание от слова Божия»* (Рим. 10, 17). А *«как слышать без проповедующего?»* (Рим. 10, 15).

И вот отец Всеволод, заботясь о духовном благополучии тех, кто уже многие годы именно к нему приходил для *«слышания слова Божия»*, принимает решение об организации «подпольных церквей», а вернее — христианских общин по образцу тех, что существовали в годы гонений на веру в Римской империи. Доверяет он это благое дело своему келейному служителю — Ивану Васильевичу Васильеву.

По благословению отца Всеволода Иван Васильевич отправляется в деревню Малая Куликовка. В соседнем селе — Большая Куликовка — он в 1921 году прожил более полугода, хорошо знал и жителей Малой Куликовки. Здешние крестьяне с почтением относились к Введенскому монастырю, часто там бывали до его закрытия и многие из них являлись духовными чадами отца Всеволода, весьма скорбевшими из-за воздвигнутых на того властями гонений...

В связи с вышесказанным следует заметить, что в более ранних публикациях о блаженном старце Иване Васильевиче характеристика куликовским крестьянам давалась далеко не лестная: «они занимались грабежом, угоняли лошадей, творили другие беззакония». В основе данного утверждения, не соответствующего ни прочим известным обстоятельствам, ни воспоминаниям очевидцев — «Сказание...» Г. В. Незведской, представляющее собой, как уже говорилось выше, попытку написания жития старца Иоанна после кончины блаженного и со слов тех, кто уже тогда искренне уверовал в его святость. Отсюда, в ряде случаев, и уводящие от действительных фактов явные попытки следования в сюжетном построении и слоге повествования древним житийным образцам, дабы подчеркнуть значимость тех или иных деяний старца Иоанна.

Были же куликовцы обычными российскими крестьянами того смутного и беспокойного времени, когда так дорого оказывалось каждое слово Матери Церкви, остававшейся единственной утеши-

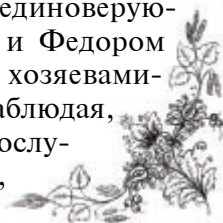

*Иван Васильевич Васильев и Параскева Петровна Мешкова
(крайняя слева в последнем ряду) среди своих друзей -
жителей деревни Малая Куликовка.*

тельницей народа Православного, ставшего жертвой невиданного доселе в мировой истории социально-политического эксперимента, затеянного коммунистами.

В частности, сам Иван Васильевич так объяснял сделанный выбор: *«Зная, что в деревне Малая Куликовка проживают из числа верующих, разделявших наше “тихоновское” направление...», «я вокруг себя организовал своих единомышленников, которые также были не согласны с политикой советской власти и разделяли мои убеждения».*

Следуя указаниям отца Всеволода, Иван Васильевич направился в Малую Куликовку и встретился там с теми, кто был наиболее близок ему и Ковригину — с «единомышленниками» Иваном Борисовичем Дюкановым и Федором Ивановичем Ляховым. Оба были крепкими хозяевами-единоличниками, людьми семейными, но, наблюдая, как затворяются двери церквей, а священнослужителей власти влекут на суды несправедливые,

без возражений согласились предоставить свои жилища для тайных домашних «церквей», прекрасно понимая сколь суровое наказание ждет их, если известие о том достигнет ушей бдительных чекистов. *«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф. 19, 29). В это верили и этим, в первую очередь, руководствовались, соглашаясь на предложение Васильева, православные крестьяне Иван Дюканов и Федор Ляхов.

Они, *«как “тихоновцы”, с моим предложением согласились»*, — кратко сообщал в 1950 году Иван Васильевич. Как записано с его слов далее: *«Иконы, религиозную литературу и другие необходимые утвари, при содействии монашки Орловского женского монастыря Щекотихиной Агриппины Максимовны, доставали у монашек закрытого монастыря, которые в свое время сумели перетащить церковную утварь из монастырской церкви по своим кельям»*.

И вот по вечерам, с 1924 года, стали собираться жаждущие слова Божия жители Малой Куликовки в «церквях» или тайных молельнях, о которых объявлено было верным.

Сходились по-разному, *«от двух до десяти человек»*. Помимо Дюкановых и Ляховых, приходили на общую молитву Верижниковы, Стебаковы, Ноздрины, Студенниковы. «Стали собираться на беседы, молились, читали и пели акафисты. Иван Васильевич разъяснял Священное Писание. Чаще всех собирались у наших, в Малой Куликовке», — сообщает А. Ф. Дюканова.

Причем, есть основания предполагать, что в домах Дюканова и Ляхова первое время совершались и богослужения. Ведь именно отец Всеволод Ковригин, как свидетельствует Иван Васильевич, до 1925 года *«являлся руководителем домашних церквей»*...

* * *

В 1925 году священник Всеволод Ковригин в административном порядке был выслан в «северный край». Местом его ссылки, судя по пись-

мам, стал Новосибирск. Скорбью наполнились сердца тех, кто почитал этого достойного пастыря. А таковых было немало. *«Священник Ковригин имел много своих приверженцев»*, — сообщал в 1950 году Иван Васильевич. На основании некоторых косвенных свидетельств можно предположить, что был отец Всеволод разлучен в те дни и с семьей. Матушка Тамара и дети покинули Орел и отбыли к родственникам в Петербург.

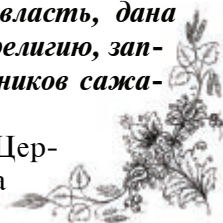
Особенно горьким было расставание для духовного отца и возлюбленного его «Иванушки». А потому, думается, ниспосланное в те дни испытание было весьма важно для дальнейшего следования Ивана Васильевича *путем узким*. Он мог убояться, как убоялись многие, мог совсем оставить следование Христу, становившееся все опаснее и опаснее, мог отрешиться от явного Ему служения, уйдя в «катакомбы». Но Иван Васильевич угрозы со стороны властей не убоился и со стези избранной не свернул. Ибо верил, что несомнительны слова апостола Павла, восклицавшего: *«Если Бог за нас, кто против нас?»* (Рим. 8. 31). Много позднее, на следствии, он все также открыто, без боязни, заявит: *«Я продолжал монашеский образ жизни и продолжал идейно вдохновлять участников нелегальной церкви»*.

— В чем же состояло Ваше «идейное» вдохновение среди участников соборниц в нелегальной церкви? — услышав такое заявление, задаст уточняющий вопрос следователь.

— *Во время читки религиозной литературы я лишний раз старался укреплять веру среди моих приверженцев, разъясняя им, что скоро будет второе пришествие Христа и к этому надо готовиться*, — записано со слов Ивана Васильевича в протоколе допроса от 10 мая 1950 года.

Говорил также Иван Васильевич, что *«всякая власть от Бога, но советская власть, как безбожная власть, дана нам за наши прегрешения... она уничтожает религию, запрещает крестьянам верить в Бога, а священников сажает в тюрьмы и ссылает в ссылку»*.

Конечно, не только о взаимоотношениях Церкви и власти, отрекшейся от Бога, шла речь на

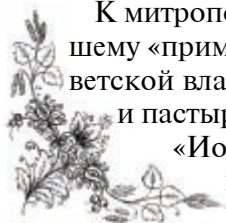

молитвенных собраниях, которыми руководил Иван Васильевич по благословению отца Всеволода. Но именно гонения на Церковь были главной непреходящей болью в сердце каждого верующего человека в те страшные годы, и умоление об этом, *когда двое или трое собирались во имя Господне*, было в те дни ни чем иным, как фактическим самоисторжением из лона гонимого и попираемого Православия и присоединением к созданному чекистами обновленчеству.

Впрочем, была и другая крайность. 29 июля 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) во имя спасения Русской Православной Церкви совместно с членами Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве». В нем, в частности, заявлялось: «...Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи...». Но заявлением дело не ограничилось. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство гражданских властей в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия государственных органов, перемещение архиереев по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев), замещение кафедр осужденных епископов и т. п. Это привело к новому расколу в Церкви.

К митрополиту Ленинградскому Иосифу, резко осудившему «примиренчество» по отношению к враждебной советской власти, примкнули многие архиереи, а следом — и пастыри с приходами, а также монашеские общины.

«Иосифляне» указом митрополита Сергия и Синода от 6 августа 1929 были приравнены к

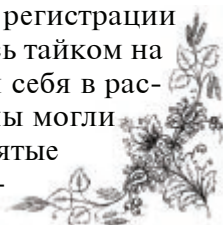

обновленцам и григорианам: «Таинства, совершенные в отделении от единства церковного... последователями бывшего Ленинградского митрополита Иосифа... также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания»...

Последователи митрополита Иосифа начали создавать нелегальные церкви, объявив об уходе в «катакомбы». Нераскаившиеся дожили до наших дней в отделении от Церкви, именуя себя истинно православными христианами. И внешне деятельность и устроение Ивана Васильевича, казалось бы, могут свидетельствовать о его близости «катакомбникам-иосифлянам». Но мы не имеем никаких свидетельств о том, что Иван Васильевич отрекался от законного священноначалия Русской Православной Церкви или что руководимые им тайные молитвенные общины выходили из канонического ей подчинения.

Созданы эти общины в пригородной деревне Малая Куликовка были исключительно для окормления духовных чад отца Всеволода Ковригина и бывших монахинь Введенского женского монастыря, собрания коих в городской черте грозили бы немедленным арестом уже осужденному к административному наказанию священнику. И сделано это было за 4 года до иосифлянского раскола, который, кстати, наибольшее распространение получил в соседней Воронежской епархии, не сильно затронув Орловскую епархию.

Как справедливо замечает автор «Истории Русской Церкви. 1917-1997» протоирей Владислав Цыпин, говоря, правда, о более позднем периоде, «от полусектантских общин «истинно православных христиан» следует отличать случаи, когда за неимением священника и без регистрации общины ... благочестивые люди... собирались тайком на молитву в частных домах, вовсе не сознавая себя в расколе с патриаршей Церковью. Такие общины могли порой нелегально посещать священники, снятые с регистрации или не получившие регистра-

ции после возвращения из мест заключения... Эти священники тайно совершали крещения, отпевания, освящения домов и квартир, не считая себя в каноническом разрыве с патриаршей Церковью». Видимо, к такому случаю следует отнести и общины, созданные в Куликовке Иваном Васильевичем Васильевым...

Причем, не исключено, что и после того, как отец Всеволод отправился в ссылку, общины в Малой Куликовке не оставались без иерейского попечения. Прямых свидетельств мы не имеем. Но известно, что, например, весьма почитавшийся Иваном Васильевичем и единомысленный отцу Всеволоду священник Павел Святицкий продолжал свое служение в единственной еще не закрытой из церквей Введенского женского монастыря — Афанасьевской кладбищенской...

До 1928 года Иван Васильевич подвизался в служении, на которое благословлен был своим духовным отцом, священником Всеволодом Ковригиным, общаясь с ним лишь по переписке. Но вот подошел к концу срок административной высылки отца Всеволода. С христианской радостью встретили любимого батюшку на земле Орловской. Случилось это не ранее осени 1928-го, так как известно письмо о. Всеволода Дюкановым еще из новосибирской ссылки, датированное 30 августа 1928 года.

Возрадовалось и сердце отца Всеволода, когда, прибыв в Малую Куликовку, увидел он воочию, что не бесплодны были надежды его на то, что Иван Васильевич покажет себя виноградарем достойным.

А ведь это был страшный канун массовой коллективизации. Секретарь ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович метал громы и молнии в своем директивном письме, где резко осуждалась недостаточная ретивость в процессе изживания религиозности, а собственно духовенство прямо объявлялось политическим противником коммунистов. ВЦИК издал постановление от 8 апреля «О религиозных объединениях», которое дало толчок новому массовому закрытию церквей.

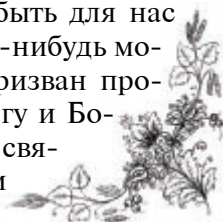

*Иван Васильевич (в меховой шапке) и духовные чада
отца Всеволода во время краткой их встречи в 1928 году.*

И среди вновь вздымавшейся волны «антирелигиозной» вакханалии чада священника Всеволода Ковригина сохранили верность Церкви Христовой и Патриаршему престолу. «Ну, Иванушка, — сказал тогда служитель Божий, — ты всех бесов повыгнал из села!» «Слава Богу за все», — кротко ответил блаженный Иоанн словами св. Иоанна Златоуста, как сообщают об этом событии записки Г. В. Незведской.

А вот строки из подлинного письма о. Всеволода, возлюбленному чаду своему *в духе и истине*: «Дорогой мой милый Иванушка!.. Очень я рад, что Господь столь дивно благоустроил твою жизнь. И тебе она полезна, и ты для дела Божия тоже будешь полезен. А что может быть для нас отраднее на земле, как не то, что мы хоть чем-нибудь можем послужить делу Божию?... И вот ты призван промыслом Божиим к тому, чтобы помогать Богу и Божиим людям, а наипаче — богоучрежденному священническому чину церковному, — и самим

делаться святыми, и другим помогать достигать святости. Какой великий призыв получил ты, чадо мое милое, дорогое о Господе! Хотелось бы мне сказать что-нибудь на пользу тебе в этом новом положении. И что скажу? Сам Христос учит нас тому, как следует приходить, приступать и начинать великое дело помощи людям достижения святости».

Но коротко было в этот раз общение отца и возросшего достойным его сына во Христе.

Возможно, из-за того, что о. Всеволод опасался привлечь внимание властей. А. Ф. Дюканова, например, сообщает, что отъезд о. Всеволода в 1928 году из ссылки был полулегальным: «Как вспоминала тетя Поля, будучи в ссылке в Сибири, о. Всеволод сделал операцию какому-то начальнику и спас ему жизнь. В благодарность за это начальник отпустил его, и о. Всеволод поехал в Петербург, где проживала его матушка Тамара». Факт приезда Ковригина в конце 1928-начале 1929 года в Петербург (Ленинград), где находилась его семья, подтверждается и другими источниками.

В опубликованных воспоминаниях Николая Павловича Анциферова (1889-1958), санктпетербургского историка и литературоведа, арестованного в апреле 1929 года, есть такие строки: «Был в камере священник, отец Всеволод. Я смутно помню студента моего курса Ковригина, но он был естественник, биолог. Теперь он священник Ковригин. Всегда спокойный, всегда ясный».

Известно, что в 1929-ом отец Всеволод арестован был по делу контрреволюционной организации «Северный центр». После суда вновь сослан был на 3 года в «Северный край».

ГЛАВА III

СТЕЗЕЙ СТРАДАНИЙ И ГОНЕНИЙ

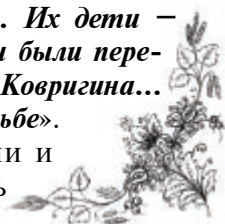

новым местом ссылки отца Всеволода стал Великий Устюг. За ним последовала и верная супруга вместе с детьми. Да и Иван Васильевич, как ни далек был Великий Устюг от Орловщины, не только не потерял связи с духовным своим отцом, но и сделал все от него зависящее, чтобы утешить отца Всеволода во дни гонений.

«Я периодически выезжал из города Орла к Ковригину в город Великий Устюг, — расскажет старец Иоанн позднее на следствии, — для оказания помощи как продуктами питания, так и денежными средствами. Кроме того, на собранные деньги среди приверженцев священника Ковригина мною был куплен дом в городе Великий Устюг для проживания Ковригина с его семьей».

И далее Иван Васильевич сообщает: *«Жена Ковригина — Тамара Васильевна умерла в городе Великий Устюг в то время, когда Ковригин отбывал там ссылку. Их дети — Алексей и Димитрий — после смерти матери были перевезены в город Ленинград к родственникам Ковригина... мне ничего не известно об их дальнейшей судьбе».*

А где в Орле в эти годы «Вы проживали и чем занимались?», интересуется следователь

на допросе 10 мая 1950 года. *«Несмотря на то, что имел формальную прописку в доме Назаровой Александры Анатольевны [бывшей церковной старосты, одной из духовных чад о. Всеволода, активно помогавшей Ивану Васильевичу собирать средства в помощь духовному отцу], проживающей в то время по Чернышевскому переулку, д. № 55, проживал я периодически и у своих приверженцев Дюканова Ивана Борисовича и Ляхова Федора Ивановича, которые и оказывали мне материальную помощь для существования. Занятие мое сводилось к тому, что я продолжал монашеский образ жизни и продолжал идейно вдохновлять участников нелегальной церкви»*, — безхитростно и прямо отвечал на вопрос дознавателя Иван Васильевич.

*Отец Всеволод с семьей
в счастливую пору, когда ни он,
ни матушка Тамара не могли
и подумать, что окончат
дни свои в ссылке...*

В 1931 новые испытания ниспосланы были о. Всеволоду. Ему ужесточили условия пребывания в ссылке, направив в селение Усть-Кулон (Коми АССР).

И вновь освященная Христом Богом любовь между собою, по коей узнаются *Его* ученики (Ин. 13, 35), преодолела сотни километров и иные преграды, воздвигавшиеся на пути верных. В Коми АССР Иван Васильевич *«ездил и только один раз»*. Как он объясняет это: *«Местные власти мне не позволили там остановиться на жительство...»*.

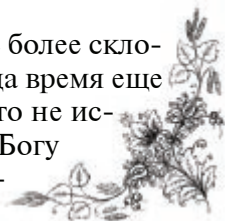

Есть основания предполагать, что подобные строгости связаны были с тем, что, сразу после прибытия, «поселенец» Ковригин почему-то был временно переведен на лагерный режим. На это, возможно, указывает предание, записанное Г. В. Незведской со слов келейницы Ивана Васильевича, Параскевы Петровны Мешковой: «Прибыв на место, где размещался лагерь с заключенными, окруженный стражей, непроходимой стеной ограждения, сторожевыми башнями, собаками и проволокой... Иван Васильевич, помолившись Богу, прошел незамеченным мимо сторожей в глубину расположения лагеря, нашел, Духом, барак, где сидел о. Всеволод с другим священником, и, к удивлению и изумлению обоих батюшек, открыв дверь, появился на пороге. Повидавши о. Всеволода и доставив заключенным необходимые вещи, провиант и гостинцы, Иван Васильевич, невидимый для стражи прошел обратно из лагеря во внешнее расположение и... благополучно сел в поезд и прибыл домой».

Предание это известно и в других вариантах. Так, по одним сообщениям охранники приняли Ивана Васильевича за одного из ссыльнопоселенцев, по другим - «что это дворник расхаживает поутру».

Из личного же письма Ковригина Ивану Васильевичу от декабря 1932 года, оригинал которого сохранился, известно, что, во всяком случае к этому времени, о. Всеволод пребывал на более мягком режиме содержания — не в лагере, а в ссылке: «Уезжать же отсюда имеет для меня смысл только в том случае, если бы это нужно было для дела. А если для меня, то, пожалуй, можно мне и остаться здесь. Живу я все также, тихо и почти безвыходно из своей келии. Особых дел у меня никаких нет. Шил одно время матрацы, но теперь заказы прекратились из-за отсутствия материала, и я опять сижу со своими книжками».

В это время овдовевший отец Всеволод все более склоняется к пострижению в монашество. Но тогда время еще не наступило. «Одно мне печально, это то, что не исполнилось мое желание принести Господу Богу обеты мои. Устюжский [архиепископ Софро-

ний (Арефьев) с 14 декабря 1927 года по 9 марта 1932 года бывший на Великоустюжской кафедре] готов был разрешить это, но Ленинградский [священномученик Серафим (Чичагов) с 19 февраля 1928 по 11 августа 1933 митрополит Ленинградский и Гдовский], как ты знаешь, благословил подождать», — пишет о. Всеволод.

Цитируемое письмо, пожалуй, последнее свидетельство непосредственного общения о. Всеволода и возлюбленного его «Иванушки». Как сообщал сам Иван Васильевич, со времени ссылки Ковригина в «республику Коми», он **«окончательно потерял связь со ссыльным священником Ковригиным»**.

Ведь год 1932-й стал для самого Ивана Васильевича первым из предстоявших 18 лет жизни на полулегальном положении. Репрессии теперь обрушились и на молитвенников из Малой Куликовки...

* * *

15 мая 1932 года за подписью И. В. Сталина была объявлена «безбожная пятилетка». Намечалось, что к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто» на всей территории СССР. И уже к концу лета 1932-го органы ОГПУ «раскрыли» контрреволюционную церковно-монархическую организацию «Ревнители церкви», якобы возглавляемую архиепископом Курским Дамианом (Воскресенским), причтенным ныне к лику священномучеников.

Как сообщается в томе 3-ем «Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине»: «По мнению ГПУ, руководителями Орловского отделения этой подпольной организации были епископ Николай (Могилевский) [правящий Орловский с 16 сентября 1927 по апрель 1931 — Л. М.], находившийся на покое, и бывший земский начальник Михаил Иванович Воинов, который в свое время окончил Московскую духовную академию и находился в г. Орле в административной ссылке, дав обет Богу жить как старец — на подаяние. По делу проходило 413 человек, в том числе 3 епископа, 127 священников и диаконов, 106 монахов и монашек, 70 кулаков, 11 быв-

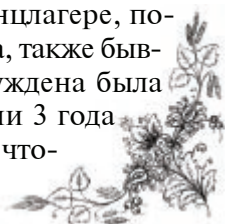

ших дворян, помещиков, полицейских и других. Причем Орловское отделение, как утверждало ГПУ, объединяло 3 контрреволюционные группы в составе 46 человек (из них две — в г. Орле и одна — в селе Куликовка)».

Многие духовно близкие и хорошо известные Ивану Васильевичу орловчане, сохранявшие верность Вере Православной, стали тогда жертвами жестоких гонений. Среди них была и последняя настоятельница приютившего Ивана Васильевича Введенского монастыря — игуменья Алексия. 66-летнюю старицу арестовали, допрашивали, на допросах избивали, но она «твердо исповедовала верность Православной Церкви и неприятие обновленческого раскола». Осуждена была к ссылке в Казахстан.

А «контрреволюционная группа», выявленная «в селе Куликовка», была общиной молитвенников, руководимой самим Иваном Васильевичем. Верные соратники его на поле битвы за веру Христову — И. Б. Дюканов и Ф. И. Ляхов, а также многие из тех, кто посещал молитвенные собрания в Малой Куликовке, были тогда арестованы.

Вот как рассказывает об этих событиях, непосредственно коснувшихся ее семьи, А. Ф. Дюканова: «В 1932 году наш дедушка — Иван Борисович Дюканов и тетушки (его дети): Дуня, Паша и Поля были арестованы НКВД за церковь. В их доме в деревне М. Куликовка был произведен обыск, все отобрали: иконы, лампы, книги и другое — безвозвратно. Дедушку сослали, а тетушки сидели полгода в тюрьме г. Орла. Потом их выпустили». Действительно, «выпустили», но после суда. Евдокия Ивановна, Пелагея Ивановна, Прасковья Ивановна осуждены были на 5 лет концлагерей условно. Самого И. Б. Дюканова осудили к 5 годам ссылки в Северный край (на Вологодчину — по воспоминаниям А. Ф. Дюкановой). Столько же, но с отбыванием в концлагере, получил Ф. И. Ляхов. Супруга его, Анна Егоровна, также бывшая участницей молитвенных собраний, осуждена была на 5 лет условно. Т. Н. Ноздриной присудили 3 года северной ссылки. Это лишь те, о ком удалось что-то узнать...

Архиепископ Софроний (Арефьев)

Волей Божией самому Ивану Васильевичу удалось спастись, когда грянула эта гроза.

Предание о том, как это произошло, сохранила липчанка Л. К. Тихонова со слов орловских паломниц Евдокии и Ефросиньи, приезжавших помолиться у могилы старца в начале 1970-х годов. На Орловщине рассказывали, что, когда начались аресты, добрые люди положили старца в подводу, укрыли его соломой и двинулись в путь. Старец Иоанн ни на минуту не прерывал молитвы.

Но вскоре повозку все же догнали преследователи. Порывшись в возу, они увидели лишь бревно, с досады плюнули и поворотили назад...

А вот что пишет по этому поводу А. Ф. Дюканова: «Иван Васильевич в это время, по милости Божией, сумел скрыться. Он поехал в Екатеринбург (Свердловск)». О том же заявил на следствии в 1950-м и сам Иван Васильевич: *«Летом 1932 года мне удалось избежать ареста и скрыться из города Орла путем экстренного выезда в город Свердловск... я перешел на нелегальное положение».*

— Почему именно в Свердловск? — интересуетсяследователь.

— Потому, что там проживали мои знакомые: архиерей Софроний и его келейник Михаил Григорьевич, с которыми я познакомился по месту ссылки Ковригина в городе Великий Устюг, — отвечает Иван Васильевич.

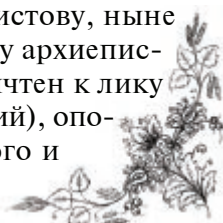
«Архиерей Софроний» — это уже упоминавшийся архиепископ Великоустюжский (в миру Иван Алексеевич Арефьев), с 22 марта 1932 года бывший архиепископом Ирбитским, временно управляющим Свердловской епархией. Отличался строгим аскетизмом в житии, каждый день служил литургию, сам читал паремии и подпевал. Расстрелян 23 декабря 1937 г. в городе Краснодаре, по месту последнего служения. Рядом с этим незаурядным деятелем Церкви Православной и довелось про-

*Митрополит Николай
(Могилевский)*

жить несколько месяцев Ивану Васильевичу. **«А потом я перешел на квартиру, на Верзнейсецкую улицу»**, — сообщал позднее сам старец Иоанн. Со слов тети, Пелагеи Ивановны, А. Ф. Дюканова уточняет, что позднее он купил «захудалый домик». Там П. И. Дюканова и навестила Ивана Васильевича в Свердловске, некоторое время прожив рядом, дабы помочь старцу в его делах благотворения. Ведь Васильев, сам пребывая в скудости, «кормил и поил ссыльных архиереев и священников».

В Свердловске «оказались ссыльными орловские владыки Серафим и Николай, близкие друзья его». Оба владыки, немало претерпевшие за Церковь Христову, ныне канонизированы: расстрелянный в 1937 году архиепископ Смоленский Серафим (Остроумов) причтен к лику священномучеников, а Николай (Могилевский), опочивший в сане митрополита Алма-Атинского и Казахстанского, — исповедников.

Сохранилось трогательное воспоминание Пелагеи Ивановны о том, как, прибыв в Свердловск и войдя к Ивану Васильевичу в дом, застала его готовящим кулеш для ссыльных архиереев.

* * *

Не оставлял Иван Васильевич своей заботой духовной и осиротевших чад из Куликовки и Орла, многие из которых томились в ссылке. Но и туда доходили весточки от возлюбленного старца. Вот пишет он сосланному И. Б. Дюканову, стараясь укрепить его и ободрить во дни постигших их испытаний: *«Христос среди нас. Многоуважаемому и родному отцу Ивану Борисовичу, низко кланяюсь и целую я тебя. Не знаю я, милый друг, откуда мне начать здесь плакать о твоём положении? Мне больно сердцу, твои вздохи и скитания режут как ножом, и что сказать тебе на это? Говорит сам наш Господь Иисус Христос апостолу Петру: «Свяжут руки твои и поведут куда не хочешь»... И мы с тобой ничего не потеряли. Наша жизнь на рассвете, куда мы пойдём? Это было нам предварительное скитание, [чтобы] одуматься в добровольной своей воле и на опыте увидеть, чтоб мы нашли Бога и жива душа была бы наша...*

Я пишу, милый друг, за то, что ты самим Богом на это дело призван... Мы ничего с тобой не потеряли, вторично я пишу. И начнем, милостью Божией, снова, скажем — пусть воля Божия куда хочет нас посылает, и возрадуемся, что наша мзда на небесах. «Не бойтесь, если тело будут убивать, но бойтесь по убиению быть ввергнутым в огонь вечный», — Сам Господь сказал. Сейчас это наши курсы с тобой».

О том же пишет он и в Орел, Евдокии Ивановне Дюкановой: *«Страсти и мир сей — есть училище, где воспитывается и образуется все человечество во всяких искушениях и грехах. Страшно много нужно времени на это дело прожить и не смотреть, что сегодня со мной неладно делается, как бы все забывать, но вперед стремиться».* И

еще, в другом письме: *«Теперь легче делать дело Божие, вас не надо [ни] уговаривать, ни по-*

могать [вам], а только остаток добровольцев в одно соединить, и этот остаток, может 2 или 3 всего, у Бога выпросит, что бы вы не попросили бы».

«В самые трудные годы Иван Васильевич писал эти письма, — вспоминает бережно их хранящая А. Ф. Дюканова. — Отправлялись они не по почте, а передавались очень надежными друзьями из рук в руки».

Тайну этой орловско-свердловской переписки, от которой остались только письма Дюкановым, Иван Васильевич не стал раскрывать и на следствии. Утвердительно ответил на вопрос следователя «Переписывался ли он с кем из орловских «приверженцев», на уточняющий вопрос он коротко ответил: *«Вспомнить сейчас не могу».*

А вот с отцом Всеволодом связь в те годы у «келейника Иванушки», и вправду, прервалась окончательно.

Сегодня известно, что в очередной раз отец Всеволод арестован был в ссылке 19 февраля 1934 органами Полномочного Представительства (ПП) ОГПУ в Ленинградском военном округе (ЛВО). Проходил по статье 58, части 10, 11 УК РСФСР, как «активный участник контрреволюционной церковно-монархической организации». Постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 28 февраля 1934 года осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Отправлен в СевВост-Лag (г. Владивосток). О судьбе после 1934 сведения отсутствуют. Реабилитирован в 1990 году.

ГЛАВА IV

В ЛИПЕЦКЕ, НА УЛИЦЕ ТЕЛЬМАНА

Иван Васильевич пробыл в Свердловске *«до конца 1936 года»*. К этому времени явно стало чувствоваться пристальное внимание чекистов. Списавшись с братом весьма почитавшей его бывшей Введенской послушницы Параскевы Петровны Мешковой — Иваном Петровичем, «Иван Васильевич, бросив домик и все там, опять скрылся». На этот раз путь его лежал в Липецк, где и жил И. П. Мешков. Туда же, предположительно, во дни арестов 1932 года, уже переехала матушка Параскева.

Но предварительно Иван Васильевич «побывал в Орле, потом поехал на Донбасс в Макеевку, где совсем немного жил у Григория Андреевича Шаталова». Г. А. Шаталов — муж одной из дочерей М. П. Шеховцова, также в это время находившегося в Макеевке со всей семьей, бывшей в числе почитавших Ивана Васильевича за старца. Сюда они временно переехали с Орловщины после раскулачивания, опасаясь дальнейших преследований в ходе развернувшейся коллективизации...

Попрощавшись с друзьями в Макеевке, на исходе 1936 года Иван Васильевич прибыл в до тех пор незнакомый ему Липецк. И. П. Мешков, ранее гостеприимно принявший сестру по крови — Пара-

*Иван Васильевич (справа в нижнем ряду)
во время пребывания в поселке Макеевка*

скеву Петровну, столь же гостеприимен был по отношению к почитаемому за старца брату во Христе. Он и супруга его Варвара Андреевна постарались сделать все, что было в скромных их силах, чтобы Иван Васильевич мог чувствовать себя покойно.

Поселили у себя, оформили прописку, помогли устроиться на работу в Студеновское рудоуправление. Как сообщал сам Иван Васильевич: **«Я поступил работать в каменный карьер в качестве кладовщика, а потом стал работать сторожем».**

Но эта часть его жизни была лишь внешним покровом, предназначенным ввести в заблуж-

дение преследовавших его. Несмотря на то, что не раз уже опасность быть арестованным за проповедь слова Христова оказывалась совсем рядом, Иван Васильевич и в Липецке не оставил того, что почитал как *«родное дело по судьбе Божией»*, дабы *«не потерять свой труд, над чем трудились все время»* — окормления ищущих истины. Вскоре уже после его поселения в Липецке, узнав о том, ехали к старцу, дабы вкусить *не хлеба, а слова Божия*, и с Орловщины и из других мест, ранее знавшие его.

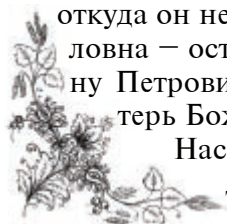
Постепенно и липчане узнавали о Человеке Божиим, *младенце по духу и незлобию*, снискавшем *проявления духа на пользу* жизнью подвижнической, в посте и молитве. И в том, что неложны рассказы о благодатном старце многие убеждались, обращаясь к нему лично с тем или иным духовным или жизненным недоумением.

Да и сам он до войны выезжал к своим *«друзьям»*, как именовал прибегавших к нему ради *пользы*.

Вот что вспоминает об этом липчанка В. А. Бобылкина (Мешкова), жившая тогда на Орловщине, куда семья вернулась из Макеевки: «У Ивана Васильевича было много друзей везде: и в Липецке, и в Трудках (где мы жили), и в Орле. Он приезжал в Трудки часто, детям привозил гостинцы, и ночью тайно собирал всех верующих в подвале, читал им проповеди и духовно учил, было много писем от него, но война не сохранила — ведь у нас проходила передовая линия фронта»...

Причем, по доброте своей души, исполненной любви к *малым сим*, для семьи Веры Александровны Бобылкиной Иван Васильевич был не только отцом духовным, но и заменил настоящего. «В 1937 году нашего отца Александра Петровича Мешкова сослали на 10 лет в Медвежьегорск, откуда он не вернулся. Мама — Мешкова Мария Михайловна — осталась одна. И Иван Васильевич сказал Ивану Петровичу (у которого не было детей): “Сама Матерь Божия оставила нам на попечение эту семью!”».

Нас было 10 в живых детей 1923-1937 года рождения. С той поры Иван Васильевич, Иван

Петрович, Варвара Андреевна и Параскева Петровна обували, одевали, кормили и воспитывали нас, заботились», — рассказывала Вера Александровна.

И в Липецке, на улице Тельмана, в доме № 10, где поселился Иван Васильевич, как сообщают записки Г. В. Незвездской о старце Иоанне: «Дома у него, кто бы ни пришел, сразу его кормили и поили». И добавляет далее: «Жизнь Ивана Васильевича — это море добра людям».

А вот строки из воспоминаний липчанки Анастасии Загорской: «Прасковья Петровна, келейница Ивана Васильевича, хорошо делала цветы, оклады на иконы. Но все [за это вырученное] шло на помощь нуждающимся».

Щедрость — до готовности отдать последнее, до самопожертвования — была одной из ярчайших черт личности Ивана Васильевича.

В «Житии...» старца Иоанна, автором которого является отец Афанасий (Медведев), читаем: «В самый разгар Великой Отечественной войны в Липецке открылись две церкви. Из ссылки вернулись священники — разутые и раздетые, больные и голодные. Блаженный Иоанн имел о них постоянное попечение, ходил по их домам, делился с ними пропитанием, продолжая творить святые дела милосердия. Священники те навсегда сделались друзьями старца. Это иереи братья Павел и Александр Котельниковы, Александр Жданов и другие. Особенно большую помощь он оказывал многодетной семье о. Александра».

М. П. Рыков добавляет: «В Христорождественской церкви (Арктическая остановка) служил о. Александр Жданов. Батюшка бедный, семья большая. Иван Васильевич **носил ему ночью** [дабы благотворить втайне] дрова, уголь. Как вспоминал о. Александр: “Только слышишь ночью — «ух!» — через забор”».

И это было во дни, когда телесные немощи особенно стали одолевать Ивана Васильевича!

На следствии в 1950-м он скажет кратко: *«В 1942 году с каменного карьера я уволился и больше нигде [на государственной работе] не рабо-*

тал». Но в одном из писем близким, датируемом мартом 1944-го, он более откровенен: **«Полтора года я не работаю, страшно больной, думал я, что отжил, и сейчас больной»**. Да только, видя чужую беду, мог ли он помыслить прежде всего о своей!

В особенно страшные первые годы военного лихолетья он постоянно молился за ближних и дальних, более всего беспокоясь за «орловских», которым суждено было пережить оккупацию.

28 марта 1944 года, когда вновь появилась возможность возобновить переписку с Орловщиной, Иван Васильевич пишет Дюкановым: **«Не могу я вам описать, как я рад, что вы живы остались! В таком положении у такого неприятеля были! Напишите, каких людей он угонял с собой, возвратились они или нет? Как проходила несчастная ваша доля пленная? Кто остался Жив?... переживаю я очень тяжело»**. И дальше следует перечисление, поименное, 24 (!) **«моих знакомых»**, как он именует тех, кто прибегал к нему за молитвенной помощью и поддержкой. И это только в известном нам письме Дюкановым. А сколько еще было таких писем, до наших дней не дошедших...

Всех помнил Иван Васильевич, за каждого возносил молитвы. Как вспоминает В. А. Бобылкина: **«Иван Васильевич говорил нашей маме Мешковой Марии Михайловне: "Я вас вижу всегда. И поля, и леса, и реки мне не помеха"»**.

Помеха была лишь одна — преследования со стороны безбожных властей. Граждане непensionного еще возраста, но нигде не работающие, вызывали у органов госбезопасности немедленный интерес, связанный с работой по искоренению монашества, официально уже практически не существовавшего, а на деле продолжавшего исповедническое служение втайне.

А потому, чтобы не выглядеть в глазах властей тунеядцем, Иван Васильевич, после того как, разболевшись, вынужден был оставить работу «в карьере», записан был в частную кузницу Ивана Петровича Мешкова молотобойцем. А Параскеве Петровне

еще в Орле выправили инвалидность, так что она имела вполне официально обоснованный повод оставаться на положении «домохозяйки».

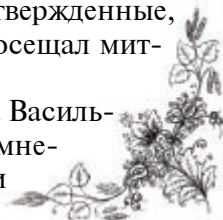
Впрочем, Иван Васильевич, будучи натурой живой и деятельной, от природы — по-крестьянски крепким, труды духовные всегда охотно сочетал с физическими, и, когда позволило здоровье, немало помог И. П. Мешкову в тяжелой кузнечной работе.

«Бог лениться не велит», — частенько говаривал Иван Васильевич и сам был тому живым примером. Вот что пишет он о труде в одном из писем: «Это хорошо, труд, если он будет человеком самим найден. Как найти труд? Надо полюбить свое дело, где работаешь, всей силой воли, и благодарить Бога за все и окружающих нас. Трудиться, не жалея сил своих перед лицом людей, как перед Богом. Это Св. Христов Апостол так нас учит. И вот если мы так будем понимать дело свое и работу свою, то найдем мы, грешные люди, сами себя и Бога, а в немощах человеческих только сила Божия совершается. Мы узнаем, что у нас силы физические совсем малы, а милость Божия на все дает сил, если мы будем понимать свой труд. Волос с головы не упадет даром в послушании и труде».

* * *

Священный Синод 15 мая 1944 года принял к исполнению заветное опочившего Патриарха Сергия, которым, в частности, Местоблюстителем патриаршего престола назначался митрополит Ленинградский Алексей (Симанский). А на Поместном Соборе в январе 1945 года митрополит Алексей избран был Патриархом Московским и всея Руси. До начала же своего первосвятительского служения он в течение 11 с лишним лет пребывал на Ленинградской кафедре. И есть сведения, документально, правда, не подтвержденные, что в эти годы Иван Васильевич Васильев посещал митрополита Алексея.

Во всяком случае, сам факт поездки Ивана Васильевича в предвоенные годы в Ленинград сомнений не вызывает. Там, у родственников, жили

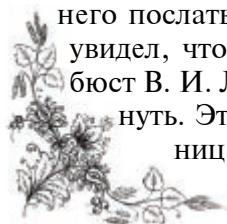

Алексей и Дмитрий — сыновья духовного его отца — священника Всеволода Ковригина. И о них, вполне естественно, Иван Васильевич не мог оставить попечения, когда сам отец Всеволод безвестно сгинул в лагерях. Так что, хоть и заявил он на следствии в 1950 году о том, что с начала 1930-х *«мне ничего не известно об их дальнейшей судьбе»*, думается, Иван Васильевич просто не хотел привлекать ненужного внимания к сиротам. Ведь власть, заявившая: «Сын за отца не ответчик», этот принцип на деле соблюдала с точностью до наоборот...

*Алексий I,
Патриарх Московский
и всея Руси,
с которым, возможно, был знаком
Иван Васильевич*

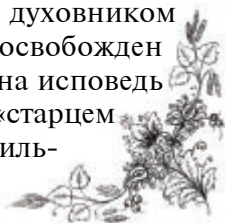
Сохранилось и предание, сообщающее, что поездка в Ленинград была не кратковременной. Иван Васильевич прожил в бывшей столице несколько месяцев. Для «легальности» устроен был сторожем в клуб, директор которого втайне был глубоко верующим человеком, не оставлявшим общения с Церковью. И в одно из ночных дежурств, когда старец пребывал в молитве, попросил он Господа рассеять его сомнения по поводу власти Советов. «От Бога ли эта власть?», — вопрошал Иван Васильевич, молитвенно прося Всевышнего послать знамение. А когда утром вышел в фойе, то увидел, что распался на части стоявший там гипсовый бюст В. И. Ленина. Ленинград пришлось в спешке покинуть. Эту историю, слышанную от орловских паломниц, приезжавших поклониться могилке Ивана Васильевича, передала нам Л. К. Тихонова.

Немногим больше, к сожалению, известно и о двух других поездках Ивана Васильевича, носивших характер паломничества и, вне всякого сомнения, сыгравших немалую роль в духовном его укреплении.

Летом 1948 года (по другим сведениям — 1947-го) Иван Васильевич поехал в Глинскую пустынь. Сопровождала его Клавдия Николаевна Дюканова. Вот как рассказывает об этой поездке А. Ф. Дюканова: «Время было безпокойное, трудное, на станции воровство. Они сидели на вокзале города Путивля и ждали поезд. Приближалась ночь, оставаться на вокзале было опасно, местные жители никого на ночлег не брали. Прошел рабочий поезд и из него вышло много народа. Среди этой толпы быстро шла женщина с тяткой на плече. Иван Васильевич показал рукой маме на эту женщину и сказал: “Иди у нее попросись на ночлег”. Мама догнала ее и стала проситься переночевать. Женщина сначала упиралась, ссылаясь на тяжелое время. Потом согласилась, и они пришли с нею в дом. Мама увидела на столе открытое большое Евангелие, а Иван Васильевич сказал: “Это нам и надо”, подошел и поцеловал Евангелие. С хозяином дома они проговорили всю ночь о духовном, хозяин оказался другом старца Антония из Глинской пустыни».

Глинская пустынь, возрожденная в 1942 году, отличалась «аскетической строгостью устава, святостью жизни и духовной мудростью своих старцев», как подчеркивает то протоиерей Владислав Цыпин в своей «Истории русской церкви». В эти годы спасались здесь такие столпы благочестия как схиигумен Серафим (Амелин), архимандриты Тихон (Беляев), Артемий (Миньковский), Антоний (Прохода). Архимандрит Антоний, от лет молодых воспитанный строгими афонскими старцами, с 1946 года был духовником обители. А с 1948 года, будучи по старости освобожден от этой должности, «продолжал принимать на исповедь богомольцев». Видимо, он и был тем самым «старцем Антонием», другом приютившего Ивана Васильевича хозяина дома в Путивле.

Подробности посещения Иваном Васильевичем собственно Глинской пустыни ныне сокрыты пеленой времени. Известно лишь, что остаток пути от Путивля липецкие паломники проделали благополучно. Так что,

*В Глинской пустыни,
возрожденной в 1942 г.*

несомненно, довелось Ивану Васильевичу общаться и с самими глинскими старцами. Наверное, и со старцем Антонием, с которым их столь многое роднило во взглядах на путь спасения. О. Антоний «особенно поучал о необходимости молитвы в деле спасения». Особое внимание молитве находим мы и в дошедших до наших дней наставлениях Ивана Васильевича.

Летом следующего года, в июле, Пелагея Ивановна Дюканова сопровождала Ивана Васильевича в другой поездке — в Киев, через Одессу. В Одессе жили родственники Мешковых и Дюкановых, но был там и порт. Порт, из которого уходили корабли в Черное море, в сторону Святой Горы Афон. И вечерами Иван Васильевич ходил туда, где швартуются и откуда отчаливают теплоходы, подолгу стоял, глядя в море. Спрашивал у работников порта: «Ходят ли теперь корабли на Афон?». Из ответов явствовало, что Святая Гора для гражданина СССР недоступна...

А вот у святынь Киевских, до которых в 1921 году он так и не доехал, Иван Васильевич наконец-то побывал. *«Возвращаясь из Одессы, я посетил Киев»*, — скажет он, отвечая на вопрос следователя. Но, кроме самого факта посещения им Киева, о паломничестве этом ничего не известно.

От этой поездки осталось и такое воспоминание: «В Брянске была пересадка, и они ждали поезд, сидя на вокзале. Мимо них проходила старенькая, сгорбленная старушка с костылем, еле-еле передвигая ноги. Иван Васильевич и говорит: “Смотри, Полина, и ты такая же будешь”. И, действительно, тетя Поля прожила до глубокой старости, последнее время ходила с костылем, прожила 91 год, 1 месяц и 20 дней. И всегда она вспоминала эти слова Иоанна Васильевича».

Неоднократно выезжал после 1944 года Иван Васильевич и в Орел, как только появилась такая возможность. Весной 1944-го он писал на Орловщину: *«Жду первого поезда, если будут ходить, несмотря, что я больной — приеду... Очень хочется побыть и нет пути. Что будет дальше? Может быть, летом, пропуск надо оформить»*.

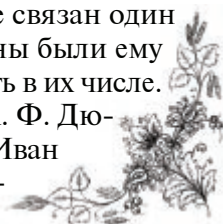
И вот, действительно, летом 1944-го ему вновь довелось побывать в Орле, Куликовке, Трудках. Из писем он уже знал, что далеко не все из возлюбленных его чад *о Господе* придут на встречу с ним. *«Очень много померло и убито друзей. Страсть!»*, — сокрушась, писал он в одном из писем...

Но немало было и тех, кто, по молитвам старца Иоанна, пережил лихую годину, и искренняя радость их от долгожданной встречи сгладила и затушевала боль утраты. Так, живы были близкие Ивану Васильевичу Дюкановы. У Ивана Борисовича, пережившего и ссылку и войну, приобретшего к тому времени собственный дом в Орле, он и останавливался.

За первой поездкой последовали другие. И это, невзирая на опасность ареста! *«Из города Липецка до станции Орел я ездил по железной дороге, — рассказывал Иван Васильевич на следствии. — От вокзала к своим приверженцам я пробирался осторожно, окраинными улицами, стараясь, чтобы не заметили меня»*...

С пребыванием Ивана Васильевича в Орле связан один из многих случаев, подтверждающих, что даны были ему от Господа плоды благодатные и прозорливость в их числе.

Вот, как передает воспоминание об этом А. Ф. Дюканова: «В один из приездов зимой 1948 года Иван Васильевич шел от Феклы Павловны Лавро-

вой вечером к нам. Мама вспоминала, что пришел он весь вспотевший, усталый и стал говорить, что ходил вокруг разрушенного женского монастыря, считал все столбы и вообще воспроизводил план его. Потом, переодевшись во все сухое, сказал ворчливо: ***“Ваньке одному это нужно, ведь монастырь будет обязательно открыт, будут спрашивать, сколько столбов в ограде, а вы не знаете”***. И стал чертить на листке бумаги этот план. К сожалению, план этот, начерченный рукой Ивана Васильевича не сохранился. А разоренный наш женский монастырь, и правда, сейчас восстанавливается, очень многое уже сделано. Открыт он был в декабре 1993 года. Так за 45 лет Иван Васильевич предсказал это событие».

А вот и еще одно воспоминание, свидетельствующее о том, что, поистине, *невозможно исследовать дивных дел Господа* (Сирах. 18, 5). Рассказывает В. А. Бобылкина: «После войны поезд в Орел ходил через день, в 1 час ночи, а к дедушке [Ивану Васильевичу] ездило много друзей. И он обычно меня посылал заранее билеты взять. А потом мы вместе возвращались. И вот проводили мы как-то друзей его и решили пойти домой покороче, до ДК Студеновского рудоуправления. Тогда трамваев, автобусов не было. Электрическое освещение не на всех улицах было. Темнота полная. А я всю дорогу шла и с удивлением наблюдала как впереди нас на одном и том же расстоянии был столб с лампочкой, который нам дорогу освещал. Мы идем, а он впереди... Я говорю: “Дедушка, что за столб впереди?”. А он: “Не придумывай!”. И так до самого дома...».

Но бывало и другое. Случалось близким Ивана Васильевича становиться свидетелями того, что неоспоримо свидетельствует о злобе, с которой на него исполчались *духи злобы поднебесные*. Мороками и страхованиями пытались смутить они старца. Но бесплодны бывали усилия их. Вооруженный непрестанной молитвой Иисусовой, старец Иоанн игнорировал бесовские приращения и прилоги, так что оказывались они тщетны. ***«Молись» и «не обращай- вайся», «не обращай внимания»,*** советовал он в

таких случаях случившимся с ним рядом и повергнутым в страх и изумление *малым сим*. И морок исчезал бесследно, как исчезла вдруг, как говорится, «перед самым носом», бешено мчавшаяся по орловскому проселку тройка, казалось, уже готовая раздавить старца и его попутниц, шедших на молитву в соседнее село...

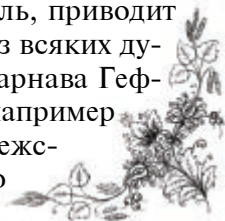
* * *

Конец 1940-х годов для Ивана Васильевича Васильева — время когда он не только заново возжигает на Орловщине загашенные было репрессиями безбожной власти и остывшие за годы военного лихолетья светильники веры православной, но и становится истинным старцем для многих липчан, ищущих утешения в слове Христовом.

Уже не только приезжие, но и местные все чаще притекают в скромный домик на улице Тельмана. И каждому Иван Васильевич находит доброе, утешительное слово, почерпнутое из глубин христоролюбивого своего сердца; каждого старается ободрить, исправив путь его ко спасению; а страждущим не только духовно, но и телесно, находит то «копеечку», то «хлебца». Так рождается живущая в сердцах липчан и сегодня, более полувека спустя, слава «Иоанна Васильевича, старца Липецкого».

Но справедливо ли именовать старцем этого мирянина, пусть и благочестивого, и немало потрудившегося на благо Церкви?

Обратимся за ответом к источнику авторитетному — книге И. М. Концевича «Оптина пустынь и ее время». Вот что там сказано по этому поводу (и не раз с тех пор процитировано во многих безусловно православных изданиях!): **«Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому»**. И далее Иван Михайлович, раскрывая свою мысль, приводит такие примеры: «Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ, например Игнатий Брянчанинов или Антоний Воронежский — великий современник преподобного

Серафима. Из иереев назовем святого Иоанна Кронштадтского, отца Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как, например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна, во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре...».

Немаловажно и следующее замечание Концевича: **«Как достигший безстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества»**. И подтверждение тому, в той или иной форме, мы находим в фактах земного жития Ивана Васильевича Васильева. Вернее, находим даже в той малой их части, что нам известна!

Провидел он, в частности, и то, что приблизилась для него пора еще более суровых испытаний. По воле Господней заранее извещен был Иван Васильевич, *что враги его говорят против него, и подстерегающие душу его советуются между собою...* И, действительно, послевоенные визиты чудом спасшегося от ареста в Малой Куликовке старца не остались незамеченными органами госбезопасности, не устававшими искать его следы.

В очередную поездку к «орловским», весной 1950 года, сопровождала его верная келейница Параскева Петровна Мешкова. До Орла добрались благополучно. Остановились у К. Н. Дюкановой, на «Пятницкой улице». И вдруг, посреди теплой и спокойной дружеской беседы Иван Васильевич посерьезнел лицом и неожиданно настойчиво обратился к матушке Параскеве: **«В случае войны уезжай домой. Не мешкай»**. Она осталась в недоумении, но расспрашивать не решилась, зная, что просто так Иван Васильевич ничего не говорит. А через пару дней и объяснять уже ничего не было нужно. Стало ясно, какую такую «войну» в мирном 1950-м провидел наделенный даром прозорливости блаженный.

26 апреля, с утра, Иван Васильевич направился навес-
тить Феклу Павловну Лаврову — одну из верных его
помощниц по куликовским еще тайным «церк-
вям». После войны он не раз бывал в этом

доме, иногда останавливался надолго. И зять Лавровой, зная, видимо, о случившемся в Малой Куликовке до войны, решил избавиться навсегда от столь опасного по тем временам гостя. О визитах старца Иоанна сообщено было «куда следует». Там зять Лавровой попросили написать формальное заявление о том, что некий И. В. Васильев проживает на их жилплощади без прописки. Заявлению дали ход. Правда, занимался им не местный участковый, а «товарищи» из Орловского управления Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР.

Иван Васильевич во время пребывания в следственном изоляторе Орловского УМГБ

Так что, как только Иван Васильевич переступил порог Лавровых, он тут же был арестован без какого-либо шума и извещения о том. Своевременно узнать об аресте близкие старца смогли лишь благодаря в очередной раз явленной им прозорливости. Уходя к Лавровым, Иван Васильевич наказал собиравшейся на рынок за покупками К. Н. Дюкановой обязательно на обратном пути зайти к Фекле Павловне. Клавдия Николаевна так и сделала. Тут и узнала от бледной и растерянной Лавровой, что «Ивана Васильевича только что арестовали и увезли куда-то».

А увезли арестованного старца в упомянутое Орловское управление МГБ, где он и был временно изолирован. После необходимых формальностей первые листы легли в папку с делом № 11638 «по обвинению Васильева Ивана Васильевича по ст. ст. 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР». То есть, обвиняли старца в антисо-

ветской деятельности — именно так расценивалась коммунистической властью распространение слова Христова.

В день ареста последовал и первый допрос, начавшийся в 22.00. Вел допрос подполковник Хитров, начальник отделения УМГБ Орловской области, а помогал ему некто капитан Кондауров, старший оперуполномоченный того же отделения. С того дня по 27 октября продолжались допросы. Все новые листы ложились в папку с делом, достигшую в итоге 272 листов.

Главной целью судей неправедных было доказать, что Иван Васильевич «под прикрытием отправления религиозных обрядов в нелегальных домашних церквях воспитывал участников нелегальных соборий в антисоветском духе и призывал к борьбе с проводимыми мероприятиями ВКП (б) и Советского Правительства», как сказано о том в «Постановлении о предъявлении обвинения». От чего, впрочем, допрашиваемый и не отрекался. Ведь столь грозные формулировки в устах представителей власти, отрекшейся от Бога, были лишь свидетельством того, что вера в Него жива стараниями таких как старец Иоанн, а потому и впредь будут бесильны злоумышления гонителей Православия. Что, как известно, и подтвердилось ходом Истории, совершающейся хоть и деяниями людей, но по Божиему Промыслу.

На основании известного ныне мы не можем сказать, сколь жестко действовали сотрудники Орловского УМГБ. Но среди запрототолированных допросов есть и ночные, один из которых закончился аж в 2 часа ночи. Известно также, что по окончании «срока» пальцы рук Ивана Васильевича носили следы плохо леченных многочисленных старых переломов. Впрочем, сам старец о пережитом не рассказывал даже наиболее к нему близким. Лишь в 2003 году А. Ф. Дюкановой удалось на один день получить доступ к делу № 11638 и переписать от руки часть содержащихся в нем материалов.

Старец же Иоанн ознакомился с материалами дела «путем их зачтения следователем в здании УМГБ Орловской области с 12 часов до 20 часов 26

октября 1950 года и с 10 часов до 16 часов 27 октября 1950 года». Об этом сказано в «Протоколе об окончании следствия», подписанном 1950 года, октября 27 дня в городе Орле старшим следователем следственного отделения, старшим лейтенантом Царевым и помощником прокурора Орловской области Емельяновым.

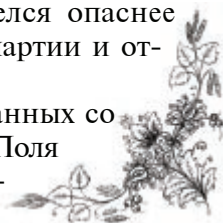
Согласно ст. 208 УИК РСФСР завершённое дело №11638 30 октября 1950 года было направлено на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР. В ОСО дело задержалось на 3 месяца. Рассмотрело его заседание от 3 февраля 1950 года и постановило: **«Васильева Ивана Васильевича за участие в антисоветской группе и антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 26 апреля 1950 года».**

А 21 февраля 1951 года на осуждённого Васильева И. В. выдан был наряд в лагерь МВД «Озерный» № 7, расположенный в окрестностях города Братска.

О годах пребывания Ивана Васильевича за колючей проволокой не известно практически ничего. Сохранилось, правда, одно предание, будто одному жестокому начальнику лагеря блаженный открыл время скорой кончины. И когда сказанное сбылось, охрана впредь не обижала старца. Новоприбывший же начальник и вовсе освободил его от повинностей, сказав: «Ты, главное, Иванушка, держись от меня подальше. А то и мне чего-нибудь напророчишь». К сожалению, предание это, как и прочие подобные, уверенно называть действительно достоверным нельзя.

С уверенностью можно сказать лишь, что знаменитая амнистия 1953 года политЗК И. В. Васильева не коснулась. Зарождающемуся хрущёвскому режиму, готовившему новые гонения на Церковь, после сталинских «послаблений», блаженный проповедник слова Христова виделся опаснее «врагов народа» из бывших товарищей по партии и откровенных уголовников.

Как сообщается в воспоминаниях, записанных со слов К. Н. Дюкановой, «В ссылке его посетила Поля [П. И. Дюканова] осенью 1954 года. Она доеха-

ла до города Тайшет Иркутской области [ок. 250 км от Братска той же области]. Разыскала лагерь, где был Иван Васильевич. Кругом — лес, тайга, колючая проволока. Свидание ей не разрешили, хотя она и выдавала себя за его племянницу. Слава Богу, один сердобольный охранник научил как поступить, подсказал куда подойти. Туда он и подвел Ивана Васильевича, насколько можно близко к забору. Одет Иван Васильевич был в телогрейку, на ногах - кирзовые сапоги. Полю он узнал. Она расплакалась. Поговорили немного, и Иван Васильевич сказал: "Полюшка, уезжай скорей, здесь очень строго". А сумки с продуктами взял охранник».

ГЛАВА V

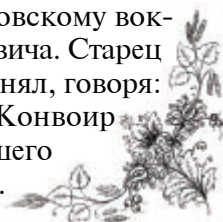
И ЗАЗВУЧАЛИ КОЛОКОЛА НЕБЕСНЫЕ...

Несмотря на многочисленные послесталинские амнистии, освободили Ивана Васильевича лишь в 1956 году. И то — по болезни. Шестилетнее пребывание за колючей проволокой заметно подорвало телесные силы блаженного, изнурило его многочисленными немощами. По результатам очередного врачебного освидетельствования «ЗК Васильева» решено было этапировать под конвоем, как недееспособного, к родственникам по месту рождения.

И тогда явлено было очередное свидетельство Промысла Божиего, столь зримо присутствующего в судьбе старца Иоанна.

В те дни один из близких Ивана Васильевича — Семен Стефанович, обезноживший после того как попал под поезд и много болевший, отправился поклониться святыням Псково-Печерского монастыря. Побывал на богомолье и возвращался назад. Как вдруг, идучи по Псковскому вокзалу, увидел солдата, ведущего Ивана Васильевича. Старец узнал Семена, бросился к нему со слезами, обнял, говоря: «Семенушка, не бросай меня Христа ради!». Конвоир объяснил Семену Стефановичу, что везет бывшего заключенного для передачи на руки родным.

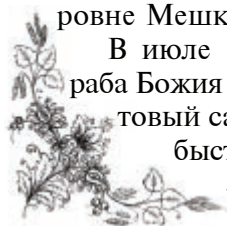
Семен Стефанович тут же договорился, чтобы передали «больного старика» ему, так как родные, мол, все умерли. Купил заодно билет и Ивану Васильевичу и привез его неожиданно-негаданно в Орел. Было это «под праздник преподобного Сергия Радонежского — 18 июля 1956 года».

Остановился Иван Васильевич у Дюкановых, где и прожил неделю. Повидать его за эти дни пришли все: и орловские, и куликовские. Много было пролито в те дни слез радостных, по случаю встречи, и скорбных, ибо в истерзанном шестью суровыми лагерными годами, донельзя изможденном теле, мало что оставалось от того крепкого, полного доброго юмора молодежавшего старца, к которому так привыкли те, кто знал его до ссылки.

Но, изнемогавший телесно, Иван Васильевич, как и прежде оставался крепок духом. Вот что рассказала о тех днях А. Ф. Дюканова: «Мама [К. Н. Дюканова] беседовала с Иваном Васильевичем каждый день. Рассказала ему, что часто мысленно обращалась к нему и взывала о молитвенной помощи. Иван Васильевич ответил: “Да. У колючей проволоки, гляну иной раз — ты стоишь”. А потом добавил: “Клавушка, Клавушка, я каким был, таким остался. Все Божье при мне. Отнять у меня они Его не смогли”».

А спустя неделю после возвращения в Орел за Иваном Васильевичем приехала из Липецка келейница его Параскева Петровна Мешкова. Вместе с К. Н. Дюкановой они сопроводили старца в Липецк. И здесь состоялась его встреча с М. П. Рыковым, на последнее десятилетие жизни блаженного предоставившим ему кров в своем небольшом, окруженном садом домике на углу современных липецких улиц Шкатова и Гагарина. С близкими старцу Мешковыми Михаил Павлович породнился, женившись на Анне Александровне Мешковой в годы ссылки Ивана Васильевича.

В июле 1956 года состоялась «незабвенная встреча» раба Божия Михаила со старцем: «Солнечный день. Фруктовый сад. Вдруг ко мне приблизился старик лет 70 — быстрый в движениях, с голубыми ласковыми глазами, яркими, как прожекторы. Светлая, широ-

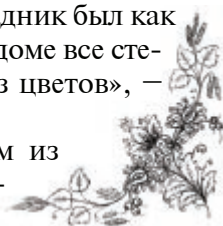

*Во дворе дома М. П. Рыкова. Справа от Ивана Васильевича
— Параскева Петровна Мешкова.*

кая борода, румянец на щеках. Среднего роста, широкоплечий. Он нежно взял мою руку, наклонился, поцеловал и тихонечко сказал: «Я — твой начальник». А мне как-то сразу стало ясно — небесный «начальник». Я пригласил его в дом и принял, как великого гостя», — так описал эту встречу в своих воспоминаниях Михаил Павлович.

Двор флигеля, где поселился Иван Васильевич, стараниями Параскевы Петровны вскоре напоминал цветник — «на клумбах с весны до осени цвели маки, розы, гвоздики, хризантемы, астры, незабудки, левкои. Его палисадник был как оранжерея, привлекавшая взоры прохожих. В доме все стены были увешаны иконами и гирляндами из цветов», — сообщает о. Афанасий (Медведев).

Жили помощью Рыковых, изготовлением из фольги окладов для икон, искусственных цве-

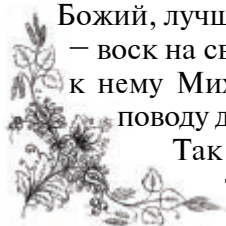

тов, на что матушка Параскева была большая мастерица. Сюда иногда приезжали орловские, бывали наиболее близкие из липчан. Но много меньше, чем до ссылки. К посторонним Иван Васильевич, вкусивший горький хлеб предательства, теперь относился очень настороженно, знакомых не принимал вовсе. Да и при людях, пусть ему и известных, но, по его мнению, чужих духовно, делал все, чтобы «произвести впечатление нездорового ума».

Вынужденно присутствуя при разговорах с пришедшими «со стороны», он старался молчать, а для большей надежности брал в рот камушки. «Поэтому почти все считали его умалишенным», — говорится в записках М. П. Рыкова. Но с тем же Михаилом Павловичем, узнав его сердцем, Иван Васильевич общался подолгу и охотно; разговаривал на самые разные темы, являя ясность рассудка и трезвость суждений. Своими мудрыми советами помогал вести Рыкову немалое домашнее огородно-садоводческое хозяйство. А однажды спас от большой беды.

Вернулся как-то инженер Рыков с работы, а навстречу — Иван Васильевич. И категорично так заявляет: «Завтра напиши заявление на пенсию». Михаил Павлович о пенсии как-то еще и не задумывался, годы не те были. Но советам старца уже привык верить безоговорочно. Вышел на пенсию «по стажу». Жалел, конечно, особенно первые дни. Потеря в деньгах была немалая. И вдруг, через пару месяцев после его ухода на производстве, как раз в цехе, где был он ответственным, грянула авария. Да такая серьезная, что были и человеческие жертвы. Тут и понял Михаил Павлович, что спас старец его от верной тюрьмы. А то, что потерял Рыков несвоевременным выходом на пенсию, также компенсировалось советом и молитвами Ивана Васильевича. «Ты, раб Божий, лучше пчелок заведи. Тебе мед будет, а для храмов — воск на свечи», — сказал как-то старец, когда обратился к нему Михаил Павлович со своими недоумениями по поводу дальнейшей жизни и содержания семьи и дома.

Так Рыков и сделал. И почти четверть века после того был успешным пасечником.

Да, открыто старцу Иоанну было многое. Так, не раз говорил он уверенно о посмертной судьбе душ совершенно неизвестных ему людей, образа жизни которых он и знать не мог, когда упоминали при нем об их кончине.

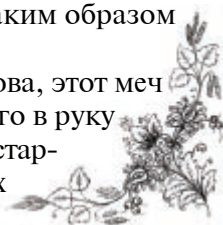
Иной, видимый внутреннему его взору, «по прямой лесенке на небо подымался», а о другом, чьи грехи родственники пытались отомолить заупокойными службами, в свойственной ему манере Иван Васильевич заявлял: «Что такому панихида? Что на собаку пиджак надеть...», ибо видел суд Божий уже свершенным...

Непросто складывались после возвращения из лагерей отношения Ивана Васильевича со священством. Возросший среди столпов духовности, молитвенников, закаленных жестокими гонениями безбожной власти, он не без недоверия взирал на «советское» уже поколение служителей Божиих. **«Я не вижу батюшки»**, — не раз доводилось слышать близким Ивана Васильевича в те годы.

Из-за многих немощей, одолевших на закате жизни его тело, старец сам в церковь уже выходил редко, но причащаться Христовых Тайн старался неопустительно. Священники, питавшие к блаженному немалое почтение, охотно приходили к нему с Причастием на дом. Старец же встречал их строго и требовательно. Как вспоминал о. Михаил Урываев, забыл он лжицу, идя причащать Ивана Васильевича. А тот его с порога встретил вопросом: **«Как же ты без всякого страха пришел?»**.

Был строг Иван Васильевич и к себе. Невзирая на болезни, по свидетельству М. П. Рыкова, не оставлял поста и молитвы. Привыкший постоянно по четкам творить молитву Иисусову, иногда, из-за некоторой рассеянности, мог позабыть где-нибудь четки. И, пока они не бывали найдены, брал подходящую веревочку, навязывал узелки, таким образом не прерывая привычного строя молитвы.

Вообще же, надо заметить, молитва Иисусова, этот меч духовный, влагаемый благодатью Духа Святого в руку праведника, была основой духовного делания старца Иоанна. Вот сохранившиеся в дошедших

до наших дней письмах наставления Липецкого подвижника о краткой этой, но такой действенной молитве, которую именовал Иван Васильевич «Глаголом Божиим»: *«Нет большего оружия как на небе, так и на земле против силы зла: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Оно проходит сквозь воздух и воду до небес. Молитва есть общее дело как ангелов, так и людей, молитва делает храмом человека, молитва есть Царица на земле, молитва есть Матерь всем верующим»...*

Особую ценность сердечной Иисусовой молитвы, совершаемой втайне, для сохранения души в верности Господу, подчеркивал он в годы гонений, обрушенных на Церковь властью «советов»: *«Видишь, где церковь? Нет. Где Чудотворные иконы? Нет. Псалмы читать — нет Псалтыри. «Помилуй мя Боже» читать — тоже шумят люди, ум сбивается... Да вот понятны — маленьких 8 слов — Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».*

Келейную молитву, подобно св. Тихону Задонскому, старец Иоанн сочетал с исполненными богомыслия прогулками по местам, которые, по словам святителя «утешают дух радостью точно рай земной»...

Так, когда позволяло состояние здоровья, старец Иоанн, обычно сопровождаемый кем-либо из близких, удалялся к расположенной невдалеке Древне-Успенской церкви бывшей Паройской пустыни, упраздненной и превращенной в приход в 1764 году. Он часто любил здесь бывать, посещая храм, хоть и закрытый большевиками, но сохранявший прежнюю благодать, ясно видимую внутреннему зору старца, а также родник, на коем некогда явилась икона Божией Матери «Живоносный Источник».

По сообщению о. Афанасия (Медведева): «Старец всем советовал посещать это святилище, называл его Липецкой Печерской Лаврой, подразумевая древнейшее происхождение Паройской пустыни и “монастырской слободы” в целом». А В. А. Бобылкина добавляет, что Иван Васильевич частенько говаривал: *«Близ бывшей пустыни, на «горе», похоронены многие великие*

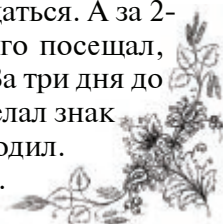

Скорбящие у гроба Ивана Васильевича. На переднем плане: Семен Стефанович (с бородой), встретивший старца после освобождения из лагеря и М. П. Рыков, под кровом которого старец провел последние годы земного жития.

праведниками, чьими молитвами Липецку суждено расти и устраиваться».

Меж тем пришло время и Ивану Васильевичу оставить мир сей ради другого, лучшего, встречи с которым он чаял на протяжении всей своей жизни и к вступлению в который столь долго приготавливал себя смирением, постом и молитвою. И время то, сроки его, открыты были Господом блаженному старцу-молитвеннику.

В записках М. П. Рыкова сообщается следующее: «За год до смерти Иван Васильевич стал с нами прощаться. А за 2-3 месяца до смерти, прощаясь с теми, кто его посещал, приговаривал, что больше они не увидятся». За три дня до кончины уже не разговаривал, лишь рукой сделал знак Рыкову, чтобы тот был рядом, далеко не уходил. Ивана Васильевича соборовали и причастили.

И вот наступил воскресный день 22 мая 1966 года. Под вечер старец, обратившись к присутствовавшим, четко и ясно произнес: «*Спасибо всем и за все*». Наступившая ночь стала последней в его земной жизни. В понедельник 23 мая, в 9 часов утра, Иван Васильевич мирно отошел ко Господу. «Как будто заснул», — по воспоминаниям М. П. Рыкова.

В «Житии блаженного старца Иоанна...» так описано его погребение: «Гроб с телом святопочившего старца стоял четыре дня. Жара не оказала влияния... Старец лежал как живой, с белым лицом, руки отличались мягкостью. Не ощущалось никаких признаков разложения. Богомольцы заказывали панихиды, отдавая последнюю дань уважения столь любимому старцу. Все, видевшие в последний раз старца Иоанна, радовались, что Господь продолжает изливать свои милости по его молитвам. Все видевшие нетленное тело старца, как знамение благодати Божией, умилялись сердцем и прославляли Бога за такую Его неоскудную милость. Когда же наступило время похорон и гроб с останками старца Иоанна понесли на руках к Христорождественской церкви (в Студенках), то многолюдная толпа почитателей памяти подвижника Божия стала свидетелем еще одного чуда. При входе процессии в храм высоко в небе послышался колокольный звон. Но он несся не с церковной колокольни, а с Горних Высот! Чтобы убедиться, что звон шел не от церкви, люди устремляли взоры в небесную высь и наслаждались нежно-переливчатым, серебряным звоном. Небеса встречали неземным пением земного подвижника, земного Ангела, коим был блаженный старец Иоанн Липецкий».

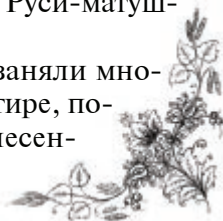
«МОЙ КУСТ НЕ ОСТАНЕТСЯ ПУСТ!»

те дни, когда стало ясно, что не за горами уже окончание земной жизни Ивана Васильевича, люди ему близкие немало о том скорбели. Он же, видя то, утешал их, напоминая о том, как должен воспринимать христианин отшествие в мир иной, говаривал: *«Душа бессмертна, а тело, что одежда, чего о нем скорбеть...»*. А еще добавлял прозорливо, как обычно прикрываясь доброй шуткой: *«Мой куст не останется пуст!»*. И действительно, как показали годы, а вернее, теперь — уже десятилетия, последовавшие за блаженной кончиной старца Иоанна, «куст» его не только не запустел, но и процвел, и дал ко дню сегодняшнему изобильные плоды благодати Духа Святого.

Немало для этого сделано было в суровые по отношению к Церкви 1960-1970-е годы общиной матушек-церковниц, постепенно сформировавшейся вокруг келейницы Ивана Васильевича — Параскевы Петровны Мешковой. Сначала собирались под крышей маленького домика, где жили они старцем Иоанном те, кто лично знал почившего праведника. Приходили ближние, со всех концов Руси-матушки приезжали дальние...

Позже, когда место частных домов здесь заняли многоэтажные новостройки, собирались на квартире, полученной Параскевой Петровной взамен снесенного домика.

Блаженный старец Иоанн по отшествии души ко Господу

Вместе молились, вместе трудились на благо Церкви, делая искусственные цветы для украшения киотов и оклады из фольги для икон, вместе ходили на могилу Ивана Васильевича.

Молились у места упокоения подвижника благочестия за упокой души его, а еще, веруя, что допущен он в сонм праведных, просили и его помолиться за них, грешных, пред Престолом Господним. И оказалось, что не тщетны бывают те молитвы. Улаживались жизненные неурядицы, уходили прочь болезни. И вести об этом распространялись все шире и шире в среде *верных*. Так что, спустя какое-то время, уже не только бывшие при жизни близкими старцу Иоанну, приходили с молитвою к скромной его могилке.

Почитало память почившего блаженного и священство. И не только местное. Бывал у Параскевы Петровны в последние годы ее жизни (1984 +) Евсевий (Саввин), ныне архиепископ Псковский и Великолукский. Уроженец города Ельца, он весьма интересовался местными подвижниками благочестия и прослышав

о почившем в Липецке старце не преминул поспешить туда. «В бытность свою наместником Троице-Сергиевой Лавры, он много раз посещал старицу Параскеву для душеспасительных бесед о блаженном старце Иоанне», — сказано в «Житии...».

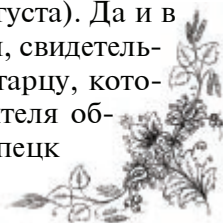
Промыслительным видится в этом случае то, что, по вступлении на путь архипастырского служения владыке Евсевию суждено было возглавить (в 1993 г.) именно ту епархию, где некогда родился и провел свои юношеские годы Иван Васильевич.

Видимо тогда-то, из рассказов владыки Евсевия, и узнал об Иване Васильевиче недавно почивший молитвенник — протоиерей Николай Гурьянов (2002 +) с острова Залита, расположенного на территории Псковско-Великолукской епархии. По сообщению о. Афанасия (Медведева), он также весьма почитал память Липецкого блаженного.

Немало потрудился ради памяти старца Иоанна и сам отец Афанасий, глубоко и искренне уверовавший, что был чтимый в народе блаженный истинно из тех рабов Божиих, *у которых имя Отца Его написано на челе* (Отк. 14, 1). Помимо сбора материалов о житии, попечением о. Афанасия велся также и сбор свидетельств о чудесах, совершавшихся на могиле блаженного.

Когда минули безбожные времена «советские», память блаженного старца Иоанна стала почитаться открыто и с каждым годом все больше желающих молитвенно помянуть блаженного старца приходили с надеждой к его скромной могиле.

Особенно много верующих, водительствоваемых священством, собирается на кладбище Трубного завода к почитаемой могиле во дни его блаженной кончины (10/23 мая) и памяти небесного его покровителя (14/27 августа). Да и в прочие дни здесь нередко служатся панихиды, свидетельствующие о все растущей любви липчан к старцу, которого сегодня многие почитают как покровителя областного центра и молитвенника за город Липецк и в нем живущих.

На сегодняшний день стараниями почитающих память Ивана Васильевича записаны десятки от чистого сердца рассказанных историй о благодатной помощи, ниспосланной по молитвам к старцу Иоанну. Еще больше свидетельств о подобных же проявлениях благодати Божией остаются сокровенными в сердцах тех, кому явлена была эта милость.

Так что весьма справедливым и верным видится следующее замечание о. Афанасия (Медведева): «На блаженном Иоанне в полной мере исполнились слова *“если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”* (Ин. 12, 24)».

Сам старец Иоанн писал: ***«Христианская душа должна заживо сама умертвить себя, т. е. познать над собой волю Божию и покорность к ближнему, и осудить сама себя, чтоб Суд Божий нас, грешных, не судил бы»***. И действительно, еще при жизни земной умерев для греха, для страстей, для мира, блаженный Иван Васильевич, помощью Божией, взрастил в душе своей сад столь плодоносный, что никто из знавших его при жизни или, по успении, из соприкасавшихся с ним молитвенно, *тощ и неутешен не отыде...*

П Р И Л О Ж Е Н И Я

**I. Из воспоминаний о
блаженном старце Иване
Васильевиче.**

**II. Свидетельства о чудесах,
совершающихся по молитвам к
старцу Иоанну.**

ИЗ «СКАЗАНИЯ О БЛАЖЕННОМ СТАРЦЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ»

Город Липецк, май 1972 года.

Составлено по просьбе

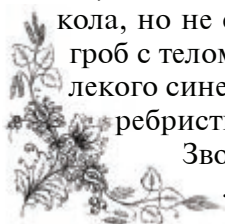
келейницы Ивана Васильевича — Параскевы Петровны.

*...Он был среднего роста и крепок,
На щеках все румянец играл.
Голубые глаза, борода белей снега
Из смирения руки у всех целовал.*

Таков был облик блаженного старца Ивана Васильевича, почившего о Господе 4 года тому назад в г. Липецке, где он и проживал последние годы...

Дивное чудо совершилось перед его отпеванием, что и подвигнуло нас написать повесть о нем. Когда гроб с телом покойного вносили в церковь, то народу, шедшему за гробом, послышался колокольный звон. Да, да звонили колокола, но не с колокольни местного храма, куда вносился гроб с телом Ивана Васильевича, а звон слышался из далекого синего неба, с безпредельной высоты долетели се-ребристые звуки перезвона нескольких колоколов.

Звонили Ангелы, неся с радостью душу его в селения праведных.

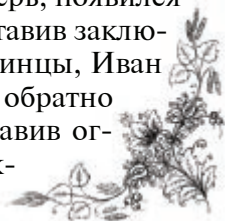
*Какова же была жизнь этого человека?
Об этом рассказывают очевидцы,
знавшие Ивана Васильевича...*

Иван Васильевич с детства, уже с 7-ми летнего возраста, был одарен благодатью Божьей и отличался от других детей даром прозорливости, который обильно почивал на нем всю его жизнь.

Достигши юношеского возраста, он не имел намерения жениться, как его сверстники, и на предложение родителей ответил отказом. Он хотел свою жизнь посвятить не семье и жизненной суете, а Богу и ближним, и так Господь направил его жизнь на служение одному добру, любви и непрестанной молитве.

При жизни Ивана Васильевича совершались чудеса, о них мы скажем — и сразу станет ясно, как жил для Бога и для ближнего этот чудесный человек. Он проникал через тюремную стену, проходил независимо сквозь тюремную стражу.

Когда в 30-х годах были воздвигнуты гонения на Церковь и ее служителей, то знакомого священника отца Всеволода осудили и сослали в ссылку в Сибирь. Иван Васильевич вздумал его навестить. Собрал необходимый провиант, и поехал. Прибыв на место, где размещался лагерь с заключенными, окруженный стражей, непроходимой стеной заграждения, сторожевыми башнями, собаками и проволокой, совершенно непроходимый с четырех сторон, Иван Васильевич, помолившись Богу, прошел незамеченным мимо сторожей в глубину расположения лагеря, нашел Духом барак, где сидел отец Всеволод с другим священником, и, к удивлению и изумлению обоих батюшек, открыв дверь, появился на пороге. Повидавши отца Всеволода, и доставив заключенным необходимые вещи, провиант и гостинцы, Иван Васильевич, невидимый для стражи, прошел обратно из лагеря во внешнее расположение и, доставив огромную поддержку и радость друзьям в зак-

лучении, благополучно сел в поезд и прибыл домой.

*Он отводил от бедствий людей
силой своей молитвы.*

...Глубокая ночь. Полная луна тихо сияет над лесом, отражается серебристыми брызгами в синеве реки. Домик маленький стоит поодаль от других домов на самом берегу. На этой стороне сосновый лес близко подходит к воде. Кругом тишина и глушь. За домом мазанный сарай, дверь на наметке, почти не закрыта, в сарае корова, телка, овцы.

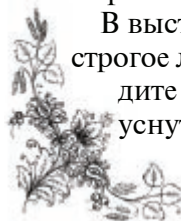
Мать и дочь спят. Они совсем недавно похоронили отца. После смерти отца осталась скотина, единственное, чем можно прожить первое время.

Но злые люди не дремлют. В ночной тишине четверо подкрадываются к дому, пробуют запоры двери, выставляют в коридоре стекло, рука вора тянется чтобы открыть крючок, сбросить наметку. Лезут сначала в дом, знают, что нет мужчины. Но жив Бог, дивный хранитель вдовиц и сирых. Мать проснулась первой. Она заметила, что вокруг дома в окнах мелькают тени, слышатся шаги, до слуха ее донесся тихий зловеющий шепот злых убийц, которые намериваются убить хозяев, а потом увести скотину.

Теплится лампада у святых икон, мать в страхе начинает молиться и просить о спасении. Выйти из дома нельзя даже в том случае, если будут уводить корову, угонять овец. Кричать о помощи тоже бесполезно, ибо дом далеко от соседей — не услышат. Всю ночь злые люди не давали заснуть, но в дом так и не проникли. А на рассвете кто-то сильно постучался в дверь.

Напуганные мать и дочь бояться выйти и открыть. Но стук повторяется еще и еще. Тогда решают выйти в коридор и спросить: «Кто?!».

В выставленное ворами окно заглядывает озабоченное строгое лицо Ивана Васильевича, слышен его голос: «Уходите отсюда, слышите, уходите. Всю ночь не дали мне уснуть, отгонял воров от вашего дома. Уходите отсюда! Продавайте дом и уходите! Убьют, что тогда? Слава Богу, что сегодня живы остались!».

Мать в этот же день побежала искать, где продается дом и вскоре мать и дочь выехали с этого места, оставив у дома посеянный огород.

*Он помогал даже на больших расстояниях
людям, призывавшим его на помощь.*

Девушка, знакомая Ивана Васильевича, которая часто бывала у него в доме, беседовала с ним, слушала его поучения, однажды оказалась в затруднительном положении.

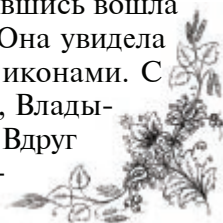
В семи километрах от города Липецка находится рабочий поселок. Девушка жила в поселке, но однажды к ней привязался учитель, женатый человек, и стал навязывать свои ухаживания. Отвязаться от назойливого нахального человека было трудно, т. к. он работал в одной школе и ежедневно приставал. Девушка, озабоченная наглостью ухажера, не знала как от него отстать и каким способом найти причины порвать знакомство и даже не разговаривать с ним.

Как то выехали со школой на пикник в лес. Подвыпив на пикнике в лесу, наглый человек лез обниматься, позволял циничные вещи. Возмущенная девушка, приехав домой, даже не спала ночь, но вдруг ей вспомнился ночью Иван Васильевич, и она мысленно попросила его помочь ей избавиться от назойливого нахала.

На другой день, придя в школу на работу, она увидела, что этот человек не подходит к ней и с этого дня он прекратил свои посягательства и оставил ее в покое. Так одно имя Ивана Васильевича помогало людям и избавляло от бед.

*Он на молитве беседовал с иконами,
и они были в его келии живыми.*

Одна псаломщица как-то днем не постучавшись вошла в дом Ивана Васильевича и открыла дверь. Она увидела комнату с потолка до пола всю увешанную иконами. С четырех стен на нее глядели лики Спасителя, Владычицы, святых. Иван Васильевич клал поклоны. Вдруг он остановился и увидел пришедшую. Она ста-

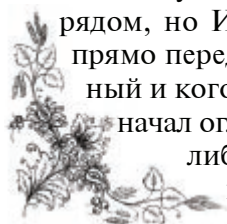
ла извиняться, что вошла не во время и помешала, но Иван Васильевич ласково сказал: «Видишь, как ты вовремя пришла. Приложись к иконам, они теплые. Ведь все святые пришли ко мне». Когда вошедшая стала прикладываться к иконам, то заметила, что иконы источают теплоту, а Иван Васильевич говорил: «Они все живые».

В другой раз другая раба Божия серьезно заболела и пришла просить Ивана Васильевича, чтобы он помолился о ней. У нее на руках было направление врача лечь в больницу на операцию — подозревали рак желудка. В больницу лечь не хотелось, а с другой стороны — выхода не было. Она пришла посоветоваться, что ей делать? Иван Васильевич при ней подошел к иконе целителя Пантелеимона и стал с ним беседовать, разводя руками и показывая в сторону больной. Что делать? Лечь ей в больницу? Подруга больной, которая пришла с ней вместе, видя это, говорит ей: «Ты говорила, что умрешь, но ты будешь жить. Видишь Иван Васильевич с великомучеником и целителем Пантелеимон говорит?»... Поговорив со святыми, Иван Васильевич не посоветовал лечь на операцию в больницу, и больная не стала лечь. Она исповедалась и приобщилась Святых Таин, пособоровалась и работает до настоящего времени на заводе.

Он видел ангелов телесными очами, видел и злых.

Иван Васильевич при своей жизни безпрестанно читал Иисусову молитву. Очи его были открыты по благодати Божией. Он видел много такого, чего не дано видеть простым смертным.

Сидя однажды в саду, он улетел мыслью в небеса, видел что-то и улыбался. К нему подошел его знакомый и сел рядом, но Иван Васильевич его не замечал, он смотрел прямо перед собой, глаза его сияли, он весь был радостный и кого-то встречал. Седевший с ним рядом человек начал оглядываться, озираться, не увидит ли и он чего-либо, но ничего не увидев, стал спрашивать Ивана Васильевича, кого он видит, что так весь

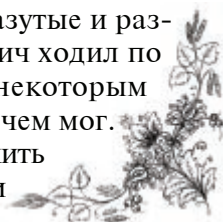
стал радостен. Иван Васильевич, устремив свой взор вдаль улыбаясь, кивнул головой и сказал: «Вон, наши идут!». «Кто, Иван Васильевич?!», — спросил удивленно человек, сидевший рядом, не видя никого перед собой. «Ангелы идут!», — ответил Иван Васильевич. Он видел не одного, а несколько ангелов, которые совершали свой путь, и Иван Васильевич называл их «нашими». О, да! Это наши хранители шли, и он их видел телесными очами. Какое счастье! Какая радость, какая несказанная благодать увидеть ангелов, блистающих своей Божественной неземной ангельской красотой в белоснежных одеждах. Ангелов, славящих и благословляющих день и ночь на небесах Дивного во святых своих Бога! Ангелов, которые охраняют нас на земле от всякого зла. Эта благодатная радость была открыта ему при жизни.

...А иногда своих близких знакомых Иван Васильевич предупреждал не ходить по какой-либо улице, где он видел логово зла. Люди замечали, что если идешь мимо этого места, то обязательно что-либо случится. Или молоко прольешь, или споткнешься, или ногу ушибешь и т. д. Словом, что-либо неблагоприятное обязательно получится, но причины этого люди не понимали. Иван Васильевич предупреждал, ибо ему было открыто.

Особенно он любил помогать бедным.

Вся жизнь Ивана Васильевича — это море добра, расплескавшегося людям и в большой, и малой степени. Он ночами не спал, а развозил провиант или топливо немущим. Дома у него, кто бы ни пришел, сразу его кормили и поили.

Когда началась Великая Отечественная Война, то открылись в 1943 году церкви и некоторых священников вернули из ссылки. Священники пришли разутые и раздетые, голодные и больные. Иван Васильевич ходил по домам, носил им картошку, масло, дрова; некоторым носил одежду, поддерживал чем Бог послал, чем мог. Священники, поправившись, поступили служить по приходам и навсегда сделались друзьями

старца, посещали его домик.

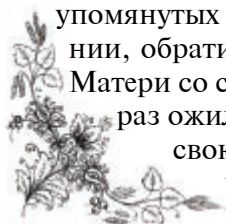
Ивана Васильевича посещали и многие христиане, когда необходимо было испросить совет для жизни. Одна девушка нашла жениха и уже договорилась о свадьбе, но перед, тем как выходить замуж, пришла за советом к Ивану Васильевичу. Он ходил по двору. Девушка подходит к нему, и келейница его спрашивает: «Иван Васильевич, вот Таня нашла жениха, выходить ей или нет?!» А он вдруг сказал: «Жених-то три копейки стоит». Девушка, вернувшись домой, рассказала все родителям. Стали узнавать, а жених-то оказался женатым.

Как-то две подружки договорились вместе ехать по святым местам и взяли отпуск. Одна из них перед отъездом пришла к Ивану Васильевичу, узнать, ехать ли ей с подругой. Он говорит: «Езжай с ангелом-хранителем». На второй день оказалось, что вторая ехать не может, а первая так и поехала «с ангелом-хранителем».

Одна женщина не могла долго устроиться на работу и пришла спросить у Ивана Васильевича, что ей делать. Он улыбнулся и сказал: «Все будет хорошо!». Вскоре Господь послал ей хорошую работу.

Две подружки кончили учебное заведение и мечтали выйти замуж. Посетив Ивана Васильевича, они спросили его: выйдут они замуж или нет? Он отвечал неясно, так что непонятно было, выйдут они замуж или нет. Но они получили от него по иконе. Одной он дал икону Божией Матери «Скоропослушница», а второй — Казанскую икону Божией Матери. Уже позднее они поняли, что Иван Васильевич поручил их жизнь Владычице и они обе не вышли замуж.

Однако, об одной из этих икон нужно сказать особо. Через 20 лет, однажды, стоя на молитве у себя дома, одна из упомянутых подруг, находясь в затруднительном положении, обратилась с просьбой к Казанской иконе Божией Матери со словами: «Не оставь, Владычица!». И вдруг obraz ожил. О, чудо! С иконы Матерь Божия наклонила свою Пречистую главу и кивнула в знак согласия, что дала обещание не оставить ее. Раба эта,

которой было дивное видение, во все годы последующей своей жизни ежедневно испытывала на себе пречудесную помощь Заступницы Усердной рода христианского. Казанская икона Матери Божией стала одной из любимых ее икон, бережно хранится в киоте до сего времени — это подарок и благословение Ивана Васильевича на всю жизнь.

Любил Иван Васильевич украшать храмы.

Дом Ивана Васильевича был настоящим цветником. Летом в его полисадниках цвели маки, розы, гвоздика, астры, незабудки, левкой — словом, домик весь кругом был в живых цветах. Придя в церковь, Иван Васильевич украшал ими стоящий посреди храма образ, какому был праздник.

Когда же наступала зима, то в доме Ивана Васильевича делали искусственные цветы и корзинами носили в церковь, украшая ее. На Рождество или на Пасху Иван Васильевич заставлял делать из цветов гирлянды и ими украшать церковь. Любовь Ивана Васильевича к цветам особенно отмечают его близкие, да и не удивительно! Как не любить цветы — дивное творение Бога Вседержителя?! Ему слава во веки веков! Аминь.

Блаженная кончина Ивана Васильевича

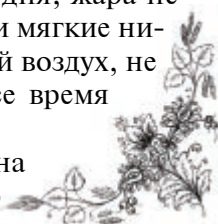
Жизнь Ивана Васильевича — это море добра людям, но вот он заболел, распухла печень, он стонал, лежал и уже не выходил на воздух.

Около него близкие читали Евангелие, акафисты. Он слушал.

23 мая, весенним солнечным утром, после принятия Святых Таин, мирно и тихо отошел ко Господу.

Гроб с телом старца стоял в его домике 4 дня, жара не влияла. Он лежал белый, как спал, ручки были мягкие — никакого признака разложения не было. Чистый воздух, не похоже что покойник в доме. У его тела все время шли панихиды.

На четвертый день понесли в церковь на руках и когда вносили в храм, на небе высоко

над церковью звонили колокола. Да, колокола звонили! И чтобы проверить себя, чтобы убедиться, что звон не с колокольни храма, а выше там в небесной голубизне, люди поднимали головы и не видя колоколов, ясно слышали их необыкновенный, нежный, серебряный, неземной звон! Небеса встречали душу Блаженного старца Ивана Васильевича колокольным веселым, как на Пасху звоном!

Дивны дела Твоя Господи!

Слава Богу за все во веки!!!

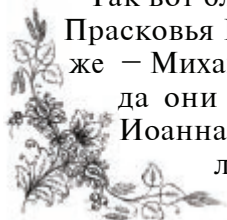
Шевченко Вера Ивановна, г. Липецк:

— Мой покойный отец при жизни был знаком со старцем Иоанном Васильевичем и периодически навещал его.

Как-то в одну из встреч блаженный Иоанн дает моему отцу, которого звали Титов Иван Дмитриевич, батон и говорит: «Битым будешь!». Отец по своему смирению подумал, что бить его надо (имел ввиду — за грехи). Это было где-то в 1965 году, т. е. где-то за год до кончины старца. А через девять лет, в 1974 году, мой отец трагически погибает на производстве. И тогда мы поняли значение слов блаженного Иоанна — т. е. он ему таким образом предсказал какой смертью он умрет.

Я, многогрешная раба Божия Вера, дочь вышеупомянутого Титова Ивана Дмитриевича, в детстве тоже сподобилась видеть блаженного старца Иоанна. И даже приходила прощаться к гробу его после преставления.

Так вот близкие его, а именно — ныне уже покойные Прасковья Петровна, которая ухаживала за ним, а также — Михаил Павлович Рыков, рассказывали, что когда они подходили прощаться с ним, то у старца Иоанна, уже преставившегося, выкатилась слеза. И лежал он в гробу как живой и не было запа-

ха тления (этому я сама была свидетелем — мне было в то время 12 лет).

Загорская Анастасия Ефимовна, г. Липецк:

— Иван Васильевич учил ходить в храм, храм — земной рай. Я не знаю, за что нас с мамой уважал Иван Васильевич. Вот, наверно, за что — у мамы родители были сосланы в Казахстан с отцом Павлом Кательниковым, прямо из Вознесенского храма со службы.

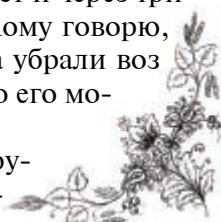
Но, так или иначе, а после службы всегда звал к себе или ночевать, или обедать, или на чай. Как приду, всегда говорил: «А у нас ведра рассохлись... Настюша, я хочу воды монастырской, ведь там Живоносный источник».

Иван Васильевич мою маму называл «Марьюшка во грехах». Он спросит, какие дела, она отвечала: «Утонула вся во грехах». Вот поэтому он так и звал ее.

Семья у нас была большая — 8 человек. 6 детей и родители. Последнее время папа был больной — язва желудка. Мама очень часто ходила в храм. От папы ей часто за это доставалось. И вот в одно время приходит к нам Иван Васильевич, и говорит: «Ефим Максимович, не обижай Марьюшку за храм. Сам видишь, сколько у вас скорбей — сын погиб, родители погибли... Ведь и мы не вечные, а смертные, а там мы с тобой будем соседи». Так оно и получилось. Иван Васильевич умер — 23.05.1966 года, а папа — 25.05.1966 года — с разницей в 2 дня.

Иван Васильевич нам помогал, в чем мог. Один раз родители посадили бурак, а он погиб, съела мошка, и тут он приходит к нам, дает маме 300 рублей и говорит: «Купите меру картошки и посадите». А время уже было позднее, чтобы картошку сажать, так как шел Петровский пост и через три дня уже заканчивался. А он свое твердит: «Кому говорю, посадите!». И что получилось? С этого места убрали воз картошки, чего никто не ожидал, это точно по его молитвам все и было.

Жил он совсем у чужих, но люди были верующие. Всех учил жить в смирении и не оби-

жать никого. Напоминал читать Иисусову молитву. Трудились они много, не покладая рук. Всегда у них чужие люди, ко всем они относились с душой. Иван Васильевич часто говорил: «Бог лениться не велит».

Даже раз запомнился случай — на Вознесение Господне пришли из храма, пообедали и пошли полоть картошку, а я подумала, что в праздник полоть картошку нельзя. Иван Васильевич прочитал мои мысли и стал говорить: «Настюша, Настюша — Бог лениться не велит. Земля — наша кормилица; из земли пришли, в землю и отойдем». Еще он всегда говорил: «Настюша, терпенье да труд все перетрут».

Еще был случай: у мамы умер в ссылке брат Павел. Мама пришла к Ивану Васильевичу и плачет, а он ей говорит: «Не плачь, Марьюшка, он будет проклят, он Бога хулил». И оказалось, он, правда, работал там директором клуба, пропаганду вел, что нет никакого Бога...

Еще один случай. Моя старшая сестра Екатерина выходила за муж, и он ей дал полотенце — 25 метров, и что потом случилось — она трагически погибла в Москве, попала под трамвай. Иван Васильевич — это был человек, который читал чужие мысли, и мне кажется что он не земной был, учил любить своих врагов и говорил — любое зло, побеждается только добром.

С Иваном Васильевичем священнослужители очень часто советовались. У них бывал отец Александр Жданов. Одно время он у них на квартире жил.

Прасковья Петровна постоянно во всем Ивана Васильевича слушалась. Хорошо делала цветы, иконы украшала по

его благословению, но это все шло на помощь нуждающимся. Они часто принимали калек.

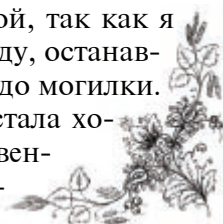
По молитвам к старцу Иоанну

Кочетова Нина Андреевна:

— Вот уже три года я хожу молиться на могилку к старцу Иоанну. Сначала мы молились с батюшкой отцом Вячеславом, а сейчас приходят помолиться из разных храмов, приезжают из разных городов. Я была свидетелем когда однажды приехали из Москвы мать и сын, они хорошо знали матушку Параскеву и старца Иоанна, много рассказывали, как они их встречали. Многие часто ходят и часто рассказывают о том, какую помощь оказывает старец Иоанн.

Я хочу рассказать о себе. 10 января 2001 года мне сделали 2 сложные операции (одновременно). Состояние мое было очень сложное и тяжелое. Три месяца я не могла обходиться без посторонней помощи. Я не могла сама вставать с постели, за мной ухаживал сын. А когда я начала ходить, я пошла в храм и узнала о могиле старца Иоанна. С тех пор я постоянно туда хожу — 2 раза в неделю.

Первое время я ходила с одной женщиной, так как я боялась, что одна не дойду. Пять шагов пройду, останавливаюсь, опять — пять шагов и так доходила до могилки. Потом состояние стало улучшаться. Я уже стала ходить без посторонней помощи. Я видела собственными глазами, что происходит во время мо-

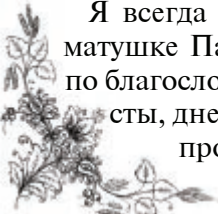

У могилки блаженного старца Иоанна

ления. Как больные люди реагируют на молитву. И это еще раз подтверждает, что старец Иоанн не простой смертный.

Однажды я вышла из дома и отправилась с твердым намерением помолиться на могилке. Был мороз — 19 градусов по Цельсию — и сильный ветер, в такую погоду я никогда не выхожу. Доехала до трамвайного депо и вышла. У меня сразу охладилось лицо, заслезились глаза и дышать стало тяжело. Но я рот закрыла варежками и решила идти. Зашла в магазин, обогрелась и твердо решила идти, начала просить помощи у Иоанна, чтобы он согрел меня своими молитвами. Постепенно я стала согреваться, а когда подошла к могилке, мне стало совсем тепло. Помолилась, и домой шла я, уже забыла о морозе.

Я всегда обращаюсь за помощью к старцу Иоанну и матушке Параскеве. Но могилке мы сначала прочитаем по благословию, а затем читаем разные каноны, акафисты, дневные, праздничные. Иногда так время быстро пролетает, мы не замечаем и молимся по 4-5 часов. Приходят другие люди, мы с ними молимся

— такое благодатное это место, что не хочется уходить. И это не только я так говорю, так говорят все, и наши мнения совпадают. Еще с нами все время ходит женщина: у нее отказали ноги, и она совсем не вставала с постели несколько месяцев, а теперь она ходит и искренне и усердно молится на могилке блаженного Иоанна. Вторая женщина — у нее были неполадки в семье — сейчас все уладилось, она тоже очень искренне и усердно со слезами всегда молится. Многие приходят и говорят: «Иоанн нам помогает». И они часто посещают могилку.

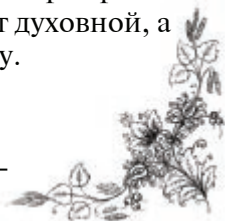
Богданова Светлана Ивановна:

Пришла на могилку блаженного старца Иоанна с сильными болями в желудке, не могла от боли стоять, временами налегала тяжесть и давила к земле, я села, и тут сверху мне под ноги упала ягода рябины. Подумалось: «Блаженный старец дает для исцеления». Съела, и боль сразу прошла.

Какое-то время я не посещала могилку. Пришла тогда, когда в моей семье случилось «ЧП». Мой сын связался с неблагополучными ребятами, стал курить, прогуливал школу, украл из дома деньги, был раздраженным, матерился и даже стал бить меня. Ему было всего 11 лет, и такое полное неповиновение! С этой бедой пришли мы с ним на могилку, попросила я помощи и молитв блаженного старца Иоанна. Когда я склонилась в земном поклоне, мне на спину упали 2 ягодки рябины. Одну ягоду я дала съесть сыну, а вторую съела сама, т. к. из-за этой беды здоровье мое, на фоне стрессов, ухудшилось, началось воспаление щитовидной железы, держалась температура. И снова, уже в который раз, старец Иоанн нас исцелил. Подал ягодки рябины, которая растет рядом с его могилкой. Исцелил моего сына от духовной, а меня от физической болезни, и укрепил душу.

Людмила:

Когда я впервые прочитала в газете о бла-

женном старце Иоанне, то очень обрадовалась тому, что и в нашем городе был и есть молитвенник за нас грешных. Тогда я еще не знала, что он станет и для меня, и для моих близких и знакомых скорым помощником в наших скорбных обстоятельствах.

Долгое время я уговаривала свою родственницу принять Святое Крещение, но все же по каким-то причинам это откладывалось. Тогда я попросила на могилке блаженного Иоанна мне в этом помочь, и это радостное событие свершилось очень скоро. Затем получилось так, что я осталась без работы. По молитвам старца Иоанна я очень быстро и благополучно устроилась на работу.

Я очень благодарна блаженному Иоанну за молитвенную его помощь, стараюсь рассказать о нем знакомым, родным, надеюсь, что блаженный Иоанн не оставит нас в трудное время и не лишит нас своей благодатной поддержки.

Валентина Ф.:

Пришла я как-то на могилку к старцу Иоанну и горько плачу. Вдруг, чувствую на себе взгляд улыбающегося старца. Слезы вмиг высохли, и я стою, улыбаюсь старцу, настроение отличное.

Второй случай. Я стояла на службе в Преображенской церкви (у старого рынка) и вдруг увидела старца, как Ангела, у алтаря.

Я знала, что старец любил цветы. Сама же много лет не могла завести розы по разным обстоятельствам. И, в конце концов, попросила старца помочь украсить мой сад розами, и вот этой осенью я посадила розы «София» и другие сорта. Они очень хорошо принялись.

Букова Любовь Михайловна:

Мы с соседкой, Ниной Козиевой, ходим на могилку блаженного Иоанна Липецкого, что погребен на кладбище возле Трубного завода. Раз подошли к могилке, поклонились, каждый сказал свое прошение

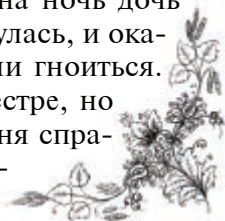
святому. Когда уходили сказали вслух: «Иван Васильевич, благослови нас!». Ветра не было, но внезапно откуда-то повеял ветерок с благоуханием всех на земле цветов. Это не передать — какое было благоухание. Я и говорю соседке своей: «Смотри, какой запах налетел! Как нас Иван Васильевич провожает!».

Коробкина Галина Ивановна:

Я обратилась к священнику за советом по одному волнующему меня вопросу. Разрешив мой вопрос, он посоветовал, чтобы я выбрала себе духовного отца, и благословил меня на правильный выбор. Но внутренне я совершенно не была готова на решение такого важного вопроса, и не решалась сделать самостоятельно этот выбор. В тот же день поехала на могилку блаженного Иоанна. В смятении мыслей я просила помощи в рассуждении о том, кто будет полезен для спасения моей души. И вдруг, обратив свой взор к могилке блаженного Иоанна, ясно услышала внутри обращенный ко мне вопрос: «А у кого ты была сегодня?». Я назвала имя священника, у которого была в этот день, на что голос мне утвердительно ответил: «Да, да, да». После чего у меня в душе воцарились удивительное спокойствие и мир. Таким простым и чудным образом блаженный Иоанн помог мне обрести самого главного и дорогого в моей жизни человека — духовного отца.

Козадерова Зоя Федоровна:

У меня заболели глаза, стали слезиться, чесаться. Не могла ни читать, ни полы мыть на работе, как будто песок был в глазах. Это заметили женщины на работе. Говорили мне: «Сходи к врачу». Я к врачу не пошла. Но на ночь дочь закапала мне в глаза капли. А утром я проснулась, и оказалось, что стало только хуже — глаза начали гноиться. Расстроенная, поехала к своей духовной сестре, но про болезнь глаз я ей не сказала. А она у меня спрашивает: «Была ли ты на могилке у блаженно-

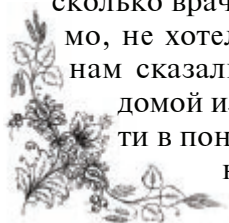
го Иоанна?» Я сказала, что еще нет. И тогда мы поехали на кладбище Трубного завода. На могилке почитали тропари заупокойные, зажгли лампадку, свечи поставили. Свечку окунули в лампадку и маслом помазали лоб. Про глаза я не думала и не вспоминала. А со лба, как обычно при помазании, помазала глаза, уши, лицо. И только на обратной дороге поняла, что слезы перестали течь и глаза больше не чешутся. Тут я только и рассказала духовной сестре что у меня болели глаза. Домой приехала со здоровыми глазами, и больше они у меня не болели. Это по молитвам блаж. Иоанна, Господь исцелил меня и открыл, что там похоронен вовсе не простой смертный человек.

Анна Васильевна:

В апреле 2000 года мой сын Юрий сильно запил, я вынуждена была уходить из дома. Прекращать пить он не собирался. И тогда в конце мая я поехала на кладбище, на могилку блаженного Иоанна. Помолилась, чтобы сын утих, перестал пить. Через некоторое время у сына сильно заболела нога, он не мог встать с постели, она опухла. На «скорой помощи» его отвезли в больницу, он там находился 2 месяца. Врачи категорически запретили ему выпивать, и вот так, по молитвам старца Иоанна, он избавился от этого пагубного порока.

Рассказ Насти К.:

В пятницу утром проснулись родители и увидели на шейке у маленькой девочки большую шишку. Между плечом и шеей находилась круглая как картошка, или как крупная слива, твердая шишка. В пятницу мы прошли несколько врачей, но никто не хотел нас принимать, видимо, не хотели брать на себя ответственность. Наконец нам сказали делать спиртовой компресс и отправили домой из поликлиники. Но велели обязательно прийти в понедельник, показаться. О названии заболевания никто ничего не говорил. Утром в поне-

дельник мы опять вынуждены были показаться врачам, ибо шишка не прошла.

Нас направили к хирургу. Хирург написал направление в областную больницу на вскрытие и определил заболевание — лимфатический узел, видимо, воспалился и, наверное, большое скопление гноя, нужно вскрывать.

Наутро, в 9.00, нужно было явиться на операцию в больницу. Мама стала ругаться с папой. Он просил подождать одну неделю и не резать. Мама, с горя, то вставала, собираясь идти на операцию, то возвращалась назад. Так в горе и отчаянии провели весь день и на операцию решили не ходить. Решили поехать на кладбище, к старцу Иоанну. Утром девочка причастилась. Не знали, как найти могилку блаженного Иоанна. Но все же поехали, нашли смотрителя кладбища и нашли могилку блаженного Иоанна. На могилке теплилась лампадка. Мама заставила всех молиться и трясущимися руками налила маслица из лампадки одну капельку. Сама девочка стала молиться по просьбе матери и просить блаженного Иоанна об исцелении. Она прочитала несколько раз "Отче наш", "Богородице" и другие коротенькие молитвы. Девочка плохо знала молитвы, все время путалась, начинала снова и снова. Но вот мать заметила, что девочка замерзла, надо идти домой, а то от охлаждения вдруг будет хуже. На кладбище у могилки блаженного Иоанна несколько раз шишку помазали святым маслом. Помазывали крышечкой от маленького флакончика. На ночь сделали спиртовый компресс. В водку перед компрессом добавили святого масла. Так делали 3 дня, даже не замечая, что шишка проходит. Шишка, меж тем, как-то незаметно сгладилась и девочка исцелилась...

Содержание

<i>Слово к читателям.....</i>	<i>3</i>
<i>Глава I. НА ПУТИ К ЧАСТИ БЛАГОЙ.....</i>	<i>10</i>
<i>Глава II. «ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БРАТ ИВАНУШКА»....</i>	<i>21</i>
<i>Глава III. СТЕЗЕЙ СТРАДАНИЙ И ГОНЕНИЙ.....</i>	<i>39</i>
<i>Глава IV. В ЛИПЕЦКЕ, НА УЛИЦЕ ТЕЛЬМАНА.....</i>	<i>48</i>
<i>Глава V. И ЗАЗВУЧАЛИ КОЛОКОЛА НЕБЕСНЫЕ.....</i>	<i>65</i>
<i>«Мой куст не останется пуст!».....</i>	<i>73</i>
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>I. Из воспоминаний Васильевича.....</i>	<i>77</i>
<i>II. Свидетельства о чудесах, совершающихся по молитвам к старицу Иоанну.....</i>	<i>89</i>